

Ю.ВИНОКУРОВ

МАКС ЗЛОБИН

МЕНТАЛЬНАЯ КУХНЯ

Авторские блюда

Авторский юмор

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Поваренная книга Менталиста

Юрий Винокуров

Ментальная кухня 3

«Автор»

«Автор»

2026

Винокуров Ю.

Ментальная кухня 3 / Ю. Винокуров — «Автор», «Автор»,
2026 — (Поваренная книга Менталиста)

Приключения Васи Каннеллони продолжаются. Но, теперь у него еще есть и пароход... Хе-хе...

© Винокуров Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Максим Злобин

Ментальная кухня 3

Глава 1

Вдоль дороги, рядом с центральным входом на пляж, строители князя Волконского организовали парковочный карман машин так-эдак на двадцать. Сюда-то и зарулили автомобили семьи Орловых; здесь-то мы с ними и встретились.

Утро, будний день. Светит солнце. Птицы может быть и поют, но их не слышно – мимо по трассе несётся довольно плотный трафик. Через дорогу в «Грузинском Дворике» завтракают и глазают в нашу сторону дальнобойщики, – дюже им интересно, что у нас тут такое происходит. А происходит у нас пока что молчаливая бычка. Вдова Орлова, как ей и полагается, осматривает меня с брезгливостью и пренебрежением. Я, как и полагается мне, стою чуть развязно. Смотрю прямо и всем своим видом излучаю «маскировочную» мысль: «Ну да, я быдло, и чо ты мне скажешь?»

А в параллель рядом с нами происходит ещё две зарубы в гляделки. Первая между Солнцевым и юристом Орловой, а вторая между охранниками; куда ж без них? СБ-шники Орловых одеты в строгие костюмы и солнцезащитные очки, а мои красавцы стоят в цветастых шёлковых халатах с дракончиками.

Мансур, – кожей чувствую, – уже врубил на всякий случай свою магию. Замедлил для себя время, чтобы если что среагировать быстрее. А Ержан рядом: переминается с ноги на ногу, поглядывает по сторонам, и истинно таксистским манером крутит в руках китайские нефритовые чётки. Короче говоря, парень изо всех сил делает вид, что ему скучно, хотя готов в любой момент сорваться в бой.

И как же всё-таки хорошо, что бою не быть.

– Будем разговаривать здесь? – первой нарушила молчание вдова Орлова.

– Ага, – ответил я. – Здесь.

– Хм, – ответ её явно не устроил, и она попробовала ещё раз: – Может пройдем куда-нибудь, где будет потише и поудобней?

– Не-а.

На пляж я Марковну не пушу. Не то, чтобы мне было жалко, просто уж больно хочется выказать своё неуважение. Так что пускай для разнообразия постоит на обочине и поглощает дорожную пыль.

– Ну хорошо, – сказала Орлова и вновь обвела меня взглядом; на сей раз насмешливым. – Так вот как выглядит щенок моего мужа.

– Первенец, – поправил её.

И снова молчание. И снова гул пролетающих мимо машин.

– Понятно, – тяжкий наигранный вздох вдовы. – Нормального общения у нас с тобой не получится, верно? Войцех! – тут её голос сорвался на визгливую ноту. – Передай ублюдку документы!

Штатный крысолюд Орловой пошарился в своём портфельчике, передал Яков Саньчу какие-то бумаги, и тот сразу же занырнул в текст.

– Это договор о досудебном урегулировании, – пояснила вдова. – Ни к чему предавать дело широкой огласке и лишний раз тревожить серьезных людей. Ты хочешь процент? Вот он, на бумаге. Почувствуй нашу щедрость, выродок...

Солнцев прихрюкнул. Но не потому, что меня оскорбили, а потому что вычитал в документе что-то смешное.

– Василий Викторович, позвольте разъяснить подробнее, – подключился к разговору человек, которого вдова называла Войцехом. – Согласно этому документу, вы получаете некоторую собственность рода Орловых...

– На которую вряд ли заработаешь за всю свою жалкую жизнь, – не удержалась вдова от ремарки.

– Э-э-э... да. Вы получаете собственность, по стоимости эквивалентную одному проценту от активов рода Орловых, а взамен отказываетесь от судебного разбирательства и любых притязаний другого рода.

Краем глаза я заметил, что Яков Саныч скрутил документ в трубочку, сунул подмышку и теперь что-то яростно искал в телефоне. Тык-тык-тык по экрану, и азарт в глазах.

– Понимаете ли, Василий Викторович, суд всё равно примет это решение, так или иначе. У вас не получится отсудить что-то большее, а у Марины Марковны не получится отдать что-то меньшее. Так давайте сэкономим друг другу время. Марина Марковна и так уважила вас, приехав на встречу лично, так что...

– Мы не согласны, – перебил Солнцев, сунул телефон в карман, широко улыбнулся и протянул документ обратно. – Мой клиент рассчитывает получить от вашего что-то ценное, а вы предлагаете говно на палке.

Вдова поморщилась, будто бы никогда таких слов прежде не слыхивала, а Войцех поднял жиденькие брови и сказал:

– Простите?

– Говно, – повторил ему Яков Саныч и подкрепил слова изысканной жестикуляцией. – На палке. Согласно закону о бастардах, мой клиент в полном праве сам выбирать, что ему получить от вашего.

– Ошибаетесь.

– Нет, не ошибаюсь.

– Нет, ошибаетесь, и сами об этом прекрасно знаете.

– Дорогой коллега, – ухмыльнулся Солнцев. – Там, где вы учились, я преподавал, – и очень круто скрестил руки на груди. – Там, где вы лепили утлые куличики, я строил гранитные замки. В то время, как вы клянчили автографы, толпа рвала мою рубаху на сувениры. А там, где вы ловили мышей, я без малейшего зазрения совести...

– Понятно, – вздохнул Войцех. – Это ваше окончательное решение?

– Да.

– В таком случае увидимся в суде.

– Увидимся, конечно!

– Марина Марковна, мы уходим.

Прощаться не стали. Мы с Солнцевым молча ждали, пока Орловы рассядутся по машинам и отчалият к чёртовой матери. Проводили их взглядом, развернулись и побрели обратно. И вот тут-то Яков Саныч начал ликовать:

– Василий Викторович, ты просто не представляешь, как нам повезло! – законник подружески ударил меня в плечо. – Предложи они что-то годное или те же деньги, то у нас бы не было адекватного повода отказаться! Понимаешь?! Если бы мы отказались от того, чего по идее хотим добиться, у Марины Марковны был бы повод задуматься..., а так... Ах-ха-ха-ха! Дебилы!

Так... Я покрутил мысли Солнцева в голове и, кажется, понял их смысл. Ну да. Не то, чтобы это что-то меняло в конечном итоге, но-о-о... так за нами действительно сохраняется эффект неожиданности. А ещё мне стало очень интересно:

– Что они нам такое предлагали-то?

– Теплоход, – хрюкнул Солнцев.

– Теплоход?!

– Ага, – Яков Саныч протянул мне свой телефон с уже открытой вкладкой.

Так... Читаем: теплоход «Ржевский», в прошлом «Вандал». Один из первых теплоходов Российской Империи, переоборудованный из парохода и оснащённый дизельным двигателем. Назван в честь бригадира лейб-гвардии Его Императорского Величества, Дмитрия Ивановича Ржевского, который во время трагических событий такого-то года на пароходе «Вандал» в команде с... кхм-кхм... в команде с работницами публичного дома, прорвал речную блокаду и вывез из Москвы золотой запас Империи... так... бла-бла-бла, попал под обстрел, бла-бла-бла, бронированная комната, бла-бла-бла, посмертно был произведён Его Императорским Величеством в чин адмирала речных флотилий, хотя никогда в жизни не служил на воде и не умел плавать...

Так... Вообще-то прикольно.

Раз уж я претендую на всё имущество Орловых, то рано или поздно эта плюшка тоже мне достанется. И ресторан на «Ржевском» получится просто восхитительный! Заведение в историческом месте всегда имеет свой особый шарм, да и с концепцией можно поиграться. Простор для мысли широчайший!

– Ты дальше читай, – сказал Солнцев, когда заметил, что я уж как-то больно мечтательно задумался. – Перемотай на раздел «В настоящее время», прежде чем слюни пускать.

Ну а я и перемотал. И прочитал:

«Пускай в настоящее время теплоход „Ржевский“ находится в исправном техническом состоянии (источник не указан 2166 дн.), музей на его борту не обновлялся вот уже двадцать лет и пришёл в запустение. Официально „Ржевский“ признан памятником исторического наследия и пришвартован неподалёку от Речного Вокзала в городе Москва.»

– Понял? – спросил Солнцев.

– Не-а, – честно признался я.

– Эта ржавую херовину загнали куда-то в камыши... ну... условно! Не в камыши, конечно, но в жопу мира, где к нему толком подхода нет. И стоит она там, и не может с места сдвинуться.

– Почему не может?

– Потому что памятник!

– А-а-а-а, – протянул я и принялся мотать ещё дальше, к фотографиям.

Ну-у-у... снаружи вполне себе достойно. Трёхпалубная машина, по которой сразу же заметно её пароходное прошлое. Как заметно? Хм... Объяснить толком не могу, поскольку не эксперт, но прямо вот чувствую эдакий налёт старины. Во-первых, воображение самостоятельно дорисовывает судну огромные гребные колёса. А во-вторых, в самих линиях корпуса кроется эдакая величавость. Основательность, да и вообще имперскость.

А вот фотографии изнутри «Ржевского» – это реально тихий ужас. Бомжатник. Слой мусора по полу, вокруг грязь, стены исписаны матерными словами, окна разбиты, дверей вообще нет...

– И это памятник? – вопрос скорее риторический, но раз уж мы с Солнцевым всё равно общаемся.

– На бумаге да, – пожал плечами законник. – В реестр включён, значит так и есть.

– Жесть...

– Именно, – кивнул Солнцев. – Когда получим наследство в полном объёме, можешь передать его в подарок властям Столицы. Думаю, никто не будет против. Может и плюшку какую-нибудь взамен подгонят. Медальку там или орден. Или даже грамоту!

– Посмотрим, – сказал я.

Разбрасываться имуществом – это мы всегда успеем. А ты поди попробуй восстанови целый теплоход! Может у меня хобби такое образуется после того, как я сказочно разбогатею? Ай! Ладно! Смысл мусолить то, чего пока нет?

– Ну что, Яков Саныч, когда объявят дату суда?

– Должны сегодня, – ответил Солнцев и...

...и было это позавчера. Кажется, Марина Марковна подключила какие-то связи, чтобы поскорее разделаться с этим делом. Так что в нашем конкретном случае слушание назначили экстремально быстро.

Меня, конечно же, уведомили и спросили: не против ли я таких сроков? А я был не против, и вот мы здесь.

Конечно, наличие связей у Марины Марковны напрягало, но так и мы не лохи какие-то. У нас, между прочим, тоже полезные знакомства имеются. Так что всё по плану! Всё нормально! Захар заряжен, и уже с самого утра отправился в центр, к дяде на работу.

И более того, уже получил отмашку пробиваться внутрь.

Так что прямо сейчас, если только не случился какой-нибудь форс-мажор, он уже объясняет дяде причину своего визита, произносит вдохновенную речь и рассказывает о своём расследовании. А мы тут, в свою очередь, скучаем.

Точнее я скучаю. Солнцев-то при деле, и, судя по всему, ему всё это реально интересно.

Хотя зрелище, как по мне, унылое. Суд по делу бастарда Каннеллони мало чем походил на процесс, за которым следит вся Империя. Ни репортёров тебе, ни вспышек фотокамер, ни скандирующей моё имя толпы. И зал полупустой, и никаких присяжных. Бытовуха, как она есть.

Перед нами судья в каноничном кучерявом парике, рядом её помощники, плюс несколько сотрудников полиции чисто для галочки, плюс делегация Орловых в составе десяти человек, и плюс мы с Солнцевым. Всё.

Судья, к слову, оказалась очень приятной тётенькой. Лариса Тимуровна – сдобная барышня лет около пятидесяти. Суровая, но незлобивая.

Итак...

Пошёл уже второй час суда. Солнцев за одной трибуной, Свистопляцкла за другой. Стоят, по очереди умными словами друг в друга кидаются и выясняют кто прав, а судья всё это по долгу службы слушает.

И вот ведь, а?! Мне уже сотню раз вспомнились слова Якова Саныча о том, что Орловы сами себя подставили.

И ведь серьёзно! Так и есть! Нам исключительно повезло! Не вцепись они в этот грёбанный музей-теплоход, не было бы повода для спора, и пришлось бы Солнцеву тянуть время из-за какой-нибудь несусветной херни. Он ведь специально для сегодняшнего дня и текст максимально водяной написал, и презентацию на сотню слайдов подготовил. И фотографии мои детские зачем-то просил, – вставил по ходу...

Короче! Не сомневаюсь в актёрских талантах Якова Саныча, но если бы он реально растянул на два часа спич ни о чём, то мог бы получить от судьи в тык. Мол, искусственно тянет время. Но вышло всё так, как вышло, и теперь на моих глазах разворачивалась эпическая схватка двух Юкадзун от мира юриспруденции.

Предмет спора – текст статьи закона о бастардах. Дескать, кабы граф был жив, мне дозволено было бы выбирать что именно заграбастать, а так жри что дают. Ляп какой-то правовой, насколько я понял. Свистопляцкла пытался трактовать его по-своему, Солнцев пытался ему это запретить, вот и зацепились языками.

Но мой юрист, конечно, поуверенней будет. Пожил подольше, знает побольше и прессует поляка только так. Ну... если Войцех, конечно, действительно поляк. Балаболят, сука, перебивают друг друга, иногда аж до красных рож.

А мне скучно. И жарко. И душно. Однако тут: «Бзз-взз» – будто укол адреналина сообщение от Гачина-Мучинского: «Вася, не переживай! Всё по плану! Дядя Лёша согласился помочь, уже едем в дом Безобразовых!»

Ай да Захарка! Ай да молодец! Сдюжил! Нет, ну а как иначе-то? Фанатик на пути к своей заветной цели, – такого ничем не остановить. Да и вообще, если бы я в нём хоть капельку сомневался, не стал бы завязывать на нём всю операцию.

Настроение сразу же заиграло. И петъ захотелось, и плясать, и трясти средним пальцем в сторону Марины Марковны.

– Солнцев, – прошептал я еле слышно. – Всё на мази, – подмигнул законнику, улыбнулся молодецкою своей улыбкой судье, перевёл взгляд на вдову Орлову чтобы позлорадствовать, а та...

А та тоже как-то вдруг резко изменилась. Причём если я повеселел, то на Марковне сейчас лица не было. Бледная, как смерть, она сидела неподвижно и пялилась в экран телефона. Затем подняла глаза на меня, а глаза... испуганные, как у белки-летяги в аэротрубе, мол, выхода нет.

Так... Сука! Она что, всё знает?!

– Алло, – похерив все правила поведения в зале суда, она набрала кому-то по телефону. – Алло, Глеб?

– Подсудимая! – тут же рывкнула Лариса Тимуровна. – Вы не забыли, где находитесь?!

– Я... Я... Прошу прощения...

– Уберите, пожалуйста, телефон!

– Я... Мне... Это очень важный звонок! – без разрешения, Марина Марковна встала с места и уже двинулась на выход. – Мне срочно надо ответить!

Так! Стоп! У Орловой своя крыса в Тайной Канцелярии и это очень плохо. Зато мы нашим коллективным разумом предполагали подобное стечение обстоятельств и на всякий случай разработали план – и это хорошо. Так что:

– Экскузьмуа! – я тоже подскочил. – Ваша Честь, я ненадолго выскочу!

– Вы что мне тут устроили?! – услышал я за спиной грозный голос судьи, потом через вздох утомлённое: – Ладно, – и стук молоточка. – В слушание объявляется перерыв!

А я тем временем уже локтями распахнул охрану Орловых и нагнал вдову, попутно набирая номер Агафоновича.

– С-с-сука! – прошипела на меня Марковна, как только мы вместе выскочили в коридор.

– Сама такая, – ответил я и припал ухом к телефону...

– Да? – ответил Владимир Агафонович на звонок. – Понял, выезжаем...

Коттеджный поселок «Фаворит»

Вторая вылазка в дом Безобразовых походила на первую чуть менее, чем полностью. Никаких милых забавных авантюр. Чистый экшн; концентрированный настолько, что в нём аж ложка стоит.

Первый тревожный звонок раздался тогда, когда джип под управлением Антона по прозвищу Погоняло только-только подъезжал к коттеджному посёлку «Фаворит». Поднятый шлагбаум и пустое КПП. То есть въезд свободен и надо бы этому, наверное, порадоваться. Вот только... помимо прочего это значит, что охрана посёлка куда-то подевалась. Куда? Зачем? Неужто...

«...уже началось?» – подумал Владимир Агафонович и принялся подгонять водилу:

– Быстрее-быстрее-быстрее!

Машина была одна. В сегодняшней спасательной операции участвовал непосредственно сам барон, Погоняло и братья Байболотовы. Их джип промчался по дорожкам посёлка и выле-

тел на ту самую улицу, где находился дом четы Безобразовых. Кипишь был замечен невооружённым глазом ещё издали.

Чёрный минивэн с государственными номерами, два серых авто местной охраны и ещё две легковушки запарковались прямо на газон возле дома. Враскоряку и с распахнутыми настежь дверьми.

Сам дом ходил ходуном. Окна вспыхивали изнутри разноцветными сполохами, а взрывы и свист магических спеллов были слышны аж за два квартала.

– Тормози здесь! – велел Агафоныч. – Разверни машину мордой на выезд и не глуши мотор! Мы постараемся как можно скорее! Всё, ребята, пошли!

В компании шаолиньских монахов, барон Ярышкин выскочил из автомобиля и понёсся в сторону дома. Входная дверь открыта. Шум, гам, крики. А среди кричащих знакомый голос: – Прекратить сопротивление! – дурниной орал Захар. – Вы что, совсем оборзели?!

Да только кто ж его послушает? Те ребятки, что орудуют внутри, посмели поднять руку на сотрудников Тайной Канцелярии Его Императорского Величества, и теперь пойдут до конца. Сдаваться для них смерти подобно. Так что сейчас им либо бежать, либо побеждать.

А победить непросто.

Ведь схватка боевых магов отнюдь не развесёлый мясной слэшер, где головы слетают только так. О, нет! Скорее уж это стратегия повышенной сложности. Многопользовательская, ага. Здесь только игроки! Здесь мобов нет и каждый в первую очередь дорожит своей собственной жизнью.

Каждый силён. Каждый уникален и каждый опытен. А ещё, что немаловажно, каждый очень... очень-очень-очень осторожен. Потому что никто в магической зарубе даже приблизительно не представляет, на что способен его противник. Техник – море. Специализаций – горы. Артефактов, эликсиров и прочих усилителей – хоть жопой жуй; и многие из них лежат козырем в рукаве до удобного случая.

Ж-ж-ж-ж! – мимо барона Ярышкина с электрическим гудением пронёсся небольшой шарик чистой энергии. Вз-з-з-з! – в другую сторону полетел небольшой рой блестящих металлических то ли ос, а то ли стрекоз. Что-то где-то взорвалось, кто-то где-то вскрикнул.

Вместе с братьями Байболотовыми, Владимир Агафоныч спрятался за перевернутый диван. Укрытие, конечно, игрушечное, но так ведь по ним пока что не ведётся огонь. Фактор внезапности сыграл как надо, и их ещё не успели обнаружить.

– Так, – барон Ярышкин разом выплеснул половину своего запаса маны и растёкся по дому ментальными щупальцами.

«Наши слева», – понял он: «Ненаши справа». Алексей Гачин, племянник, ещё один сотрудник Тайной и охранники посёлка засели в столовой. Дюжина наёмников в чёрных масках в свою очередь оккупировали гостиную. А между ними холл с лестницей: большой, просторный и простреливаемый просто на отличненько.

Силы плюс-минус равны, и каждая группировка сейчас стремится попасть наверх. Плохие ребята чтобы ликвидировать Безобразова, а хорошие чтобы его спасти. Вот только выйти на открытое пространство пока что ссыкуют и те, и другие.

А баронесса с дочкой и домработницей тем временем обнаружили в подвале, подальше от линии огня.

Ж-ж-ж-ж! – и снова шарик. Вз-з-з-з! – и снова стальные стрекозы.

«План-перехват» был рассчитан именно на такое стечение обстоятельств. Сейчас у Орловой был последний шанс избавиться от Безобразова, так что Владимиру Агафоновичу нужно было во что бы то ни стало его спасти. Действовать грубо и напролом: ворваться в дом, украсть барона, а после подкинуть его в ближайшую больницу и проинформировать об этом Гачина.

А дальше уже сами-сами-сами...

В средствах стесняться не стоит. Физик Ержан вместе с братом вынесут барона на руках, в то время как Ярышкин заморочит голову всем тем, кто этому воспрепятствует. Понятное дело, что подчинить своей воле целую толпу ему было не по силам, но так это и не требуется. Достаточно кого-то одного.

Бардак в стане тайников безо всякого ментального воздействия устроит Захар, а Ярышкин тем временем залезет в голову одному из наёмников и принудит его желать странного. Например, стрелять по своим.

На слух всё просто. Да и на деле тоже не ахти как сложно. И самое трудное в плане – это перебороть страх и преодолеть несколько десятков метров, которые придётся бежать под перекрёстным огнём. Из-за дивана, по холлу и на второй этаж.

Итак...

– На счёт три, – сказал Владимир Агафонович. – Один, два...

Глава 2

– С-с-с-сука, – шипела на меня Марина Марковна.

Окрысилась, кулачки сжала, фырчала как ёж в ведре, да и в целом прескверно себя контролировала. А особенно мне сейчас доставляли её мордороты, которые обступили нас со всех сторон и ничего, – ну вот прямо ничегошеньки, – сделать мне не могли. Да и вдове приходилось держаться изо всех сил, чтобы не ляпнуть лишнего.

Я-то на всякий случай диктофон на запись поставил. Вдруг получится признание добыть?

– Ты-ы-ы-ы, – заладила Орлова. – Ты-ы-ы-ы...

– Что «я»?

– Ты-ы-ы-ы...

– Законный наследник графа? Вы это хотите сказать?

– Ты-ы-ы-ы-ы...

Стою, короче говоря, улыбаюсь, вывожу вдову на эмоции.

А тут ещё и звонок ей раздался. Марина Марковна жадно припала ухом к телефону, выслушала что-то и окончательно слетела с катушек. Сперва прокричала в трубку что-то уж совсем нечленораздельное, а потом ка-а-а-ак херанула его об стену, – прямо вот вдребезги, – и на меня кинулась.

Лицо моё довольное расцарапать решила, по всей видимости. И даже почти преуспела в этом. «Почти» – это потому, что один из мужиков её собственной охраны схватил вдову в обнимку и тщательно зафиксировал. За это получил серию ударов каблуком по ноге и покраснел рожей, но продолжил удерживать брыкающуюся хозяйку. А у той аж слюни полетели.

– Вам бы глицинчику пропить, Марина Марковна, – посоветовал я и тут же зазвонил мой собственный телефон. – Алло?

– Сделано, – сказал барон Ярышкин, а потом сразу же сбросил звонок.

И внутри у меня тут же такое тепло разлилось. И счастье, и бабочки, и радуга с понями, и перманентный вечер пятницы.

– Ну что ты, бедолага? – спросил я у Марковны, подливая масла в огонь. – Не вышло ничего у твоих уродов косоруких? – и залиvisto заржал.

Примерно тут же двери в зал суда открылись и требовательно простучал молоточек, мол, вертайтесь в зад. И делать нечего – заходим. Свитстопляцкля за своей трибуной выглядел максимально потерянным, а вот Солнцев глядя на меня улыбался.

– Ну что? – спросил он одними губами.

– Всё хорошо, – ответил я.

Тут же принял сообщение от Захара с текстом: «Перехватили», – и добавил:

– Всё просто отлично, – и аж двумя большими пальцами маякнул.

Мы со вдовой Орловой вернулись на свои места и слушание продолжилось. Яков Саныч опять завёл спор с юристом Орловой насчёт трактовки глючной статьи, да только теперь их вообще никто не слушал. Даже судья. Лариса Тимуровна поняла, что в коридоре что-то произошло и теперь переводила взгляд с меня на Орлову, с Орловой на меня и обратно. Слишком уж мы изменились за время недолгого отсутствия. От меня фонит радиоактивным счастьем, а вдова наоборот задыхается от ярости.

– А что случилось? – не выдержала судья, жестом остановив трёп юристов.

– Ничего, – заверил я.

– Ничего, – подтвердила Орлова, широко раздувая ноздри; кажись уже окончательно паничку поймала.

Тимуровна не поверила. Велела юристам продолжать, а сама подозрительно сощурилась и продолжила глядеть на нас. Так прошло минут, наверное, двадцать-тридцать и тут... тут наконец-то наступила кульминация. Финал! Развязка! Апогей!

– Остановите суд! – ворвался в зал мужчина и с порога продемонстрировал дёрнувшимся в его сторону полицейским свою корочку.

Вот и Дядя Лёша собственной персоной подоспел. Впервые вижу его вне воспоминаний Захара Палыча, – ну вот и познакомимся заодно.

– Остановите! – повторил Гачин.

И момент настал просто сказочный! В полной тишине шаги дяди Лёши отдавались по залу гулким эхом, Солнцев скалился от радости, Марина Марковна спрятала лицо в ладони и начала хныкать, а меня сейчас, кажется, вообще порвёт. Триумф, ядрёна мать! Да! Да-да-да! ДАААА!!!

Гачин прошёл сквозь ряды, остановился между Солнцевым и Свистопляцкой и сказал: – В деле появились новые обстоятельства...

Сколько-то дней, – а правда, сколько? – прошли для меня как в тумане. Пляж я полностью передал под контроль Стаси Витальевны и Миши Кудыбечь. Запретил ребятам проводить ивенты и сказал закрывать клуб к чёртовой матери если не вывозят, но получил очень профессиональный и душевный ответ: «Иди ты в жопу, Василий, справимся и без тебя». Ну а чего ещё может желать от своей команды руководитель?

Во-о-от... Так что пока моя команда там, я здесь, – погряз в этой юридической возне. Жизненное кредо: «Занимайтесь кулинарией, а не войной» – на время пришлось отложить.

Моей новой реальностью на это время стал гостиничный номер, оплаченный нам с Солнцевым на казённые бабки. Круглосуточная охрана из тайников, звонки, заунывное пение Яков Саныча из душа, звонки, стремительно растущая стопка коробок из-под пиццы в углу, звонки, звонки и снова звонки.

Переговоры не прекращались ни на минуту, новость сменяла одна другую, всплывали новые подробности и нюансы. Качели то прибивали меня к земле, то подбрасывали на вершину мира.

Неделя... да-да, точно, прошла уже неделя! Резонный вопрос: почему так долго? Что ж... загнанная в угол Марковна сдаваться без боя не собиралась.

Уже к третьему заседанию дело «Каннеллони против Орловых» срезонировало в СМИ. Мы были чуть более популярней барона Маринина, который реформировал всю систему общепита в аномальных зонах, но чуть менее популярны, чем замес Мак Брайана с британской королевой. Ну а к сегодняшнему, – уже четвёртому, – заседанию картинка в зале соответствовала влажным мечтам Якова Александровича.

Полный аншлаг. Присяжные, папарацци, телекамеры и народ с плакатами возле здания суда.

Так...

Ну а теперь о главном. Точную последовательность событий я уже не вспомню, но кое-какую ретроспективу дать смогу.

Первое и самое главное: при помощи дяди Лёши нам удалось пришить таинственную болезнь Безобразова к завещанию графа Орлова, и потому делу быть.

Ментальное воздействие имело место – факт. Какое? Непонятно. С какой целью? Тоже. Что за сволочь поглумилась над душеприказчиком Орлова? Опять неясно, но кто-то очень и очень сильный. Какое отношение ко всему этому имею я? Ну... Примерно вот такое:

– Я провёл своё собственное расследование, – вещал судье умница Захар Палыч, – и имею все основания предполагать, что Геннадия Витальевича Безобразова лишили разума из-за завещания его работодателя, графа Орлова. По всему понятно, что в нём фигурировал Васи-

лий Викторович Каннеллони, уже признанный судом отпрыском покойного графа. Граф знал о существовании внебрачного сына и перед самой смертью написал его бабушке, Зое Афанасьевне Каннеллони, письмо...

Вот и письмецо пригодилось, ага! И да, тут мне пришлось вводить в курс дела бабушку. Как бы она на меня ни ругалась, но отказать в помощи всё равно не могла. Слишком уж далеко всё зашло. Осталось лишь протянуть руку и взять своё; рисков никаких.

Так... получается, что второе слушание целиком и полностью было посвящено разбору письма. А точнее тому, как его трактовать. В конечном итоге строчка: «Теперь всё будет хорошо» – была расценена, как намёк на наследство. Ну... какое-то. Про «всё» речи пока что даже близко не шло.

Баб Зоя пополнила ряды свидетелей, а незабвенная Изольда Карловна Безобразова сыграла за команду подозреваемых. На её счёт похлопотал дядя Лёша; после нападения на сотрудников Тайной Канцелярии при исполнении, это дело для него стало личным. Кстати, люди Орловой умудрились сбежать полным составом и теперь вообще неясно – действительно ли это были её люди или залётные наёмники.

Ну и ещё! На племяшку Алексей Гачин теперь взглянул совсем другими глазами. Впрягся помогать, и по своим каналам кое-чего нарыл.

В качестве обвинений супруге Безобразовой были предъявлены её траты. Судья во всеуслышание зачитала всё её последние финансовые операции, озвучила дорогие покупки и задала фундаментальный вопрос: откуда деньги?

Тут Марковна попыталась отмазать свою подружаню по несчастью и выставила всё, как помощь.

– Помощь несчастной женщине, что осталась в трудном положении, – со слезами на глазах вещала она. – Ещё и с больным мужем на руках. Я просто не могла пройти мимо! Можете считать, что это неофициальная пенсия Геннадия Витальевича. За выслугу лет и верность нашему роду.

– Кхм-кхм, – подключился Солнцев. – Очень благородно, Марина Марковна. Но почему вы решили помочь супруге своего работника именно наличными?

– Что? – похлопала зарёванными глазами вдова. – Какое это имеет значение?

– Объясню. Складывается впечатление, что вы хотели скрыть факт передачи денег. Такую крупную сумму гораздо проще и безопасней было бы...

– Я протестую, Ваша Честь!

Протестуй, не протестуй, судья к этому моменту уже вовсю топила за нас. И вот, Изольдушка Карловна с места обычной подозреваемой пересела на скамью подсудимых.

Но едем дальше!

Третье слушанье. Самый логичный шаг, с которого и надо было начать, да только не было оснований. Официальный запрос суда к нотариусу. К тому самому, у которого должна была храниться копия завещания покойного графа.

И вот тут интересно. У нотариуса письма не оказалось. Исчезло оно. В картотеке числится, по факту отсутствует, а цифровизация на запечатанные до востребования конверты как бы не совсем распространяется.

Тут в качестве живого полиграфа Канцелярия решила подключить своих штатных менталистов.

Проверка добровольная, само собой. И что Орлова, что Безобразова на правах аристократок отказались от неё сразу же. Мол, секреты рода под угрозой, да и вообще неприлично у других людей в мозгах копать; там же личное, интимное и вообще.

Зато бедолага нотариус побежал на проверку, высоко подбрасывая колени. Ну а ещё бы! У него на кону стояла и честь, и совесть, и достоинство, и вся карьера, – причём не только своя, но и наследников.

И по итогам проверки господин нотариус оказался чист, как первый снег. Никаких документов не уничтожал, взяток не брал, плохого никому не делал и в порочащих связях не замечен. И теперь вместо него вопросы появились к охранникам нотариальной конторы.

Биба и Боба, – назовём их так, – сдались прямо сразу же. Покаялись, мол, так и так, взяли деньги у незнакомца в обмен на «какую-то бумажку». Я бы казнил к чёртовой матери, если честно... но-о-о... решения принимаю не я.

От щедрот Его Императорского Величества мужикам выписали путёвку на рудники, и дело продолжилось дальше.

Косвенно вина Орловой была очевидна вообще всем на свете, но прямых доказательств как не было, так и нет. Догадки у нас были стройные, как кипарис. Домыслы логичней некуда, но... увы. Марина Марковна строила из себя уязвлённую невинность, показушно бухала корвалол и рассказывала в интервью репортёрам о наглom голодранце, который паразитирует на её несчастье и жизни спокойной, сука такая, не даёт. Голодранец, если что, это я.

Итак, постепенно мы пришли к следующему:

Единственное доказательство или опровержение вины ОПГ Орловой хранится в голове Безобразова, а Безобразов не в себе. И что теперь делать? Лечить его, естественно!

Тут потребуется небольшая техномагическая справочка: действительно, другие менталисты могут исправить то, что натворил их предшественник. И прецеденты даже прецедентами назвать нельзя, – уж до того часто такое происходит.

Но! Всегда и всюду есть это грёбаное «но». В нашем конкретном случае было несколько загвоздок. Во-первых, вред причинил очень сильный маг, – но об этом я уже говорил. А во-вторых дело осложняло то, что менталюга сам по себе зверь редкий, а уж безродный менталюга вроде меня и подавно штучный товар.

Причём тут безродность? Всё просто: знатные семьи на пушечный выстрел к нашему судебному процессу не приближались. Им это вообще на кой? Светиться лишний раз, да и непонятно чем оно в итоге обернётся. Выберешь сторону конфликта – автоматически обидишь другую. И мало ли как оно тебе в дальнейшем аукнется.

Так что лечить Безобразова собрались три калеки. Поколдовали над бароном денёк, а потом заявили: всё возможно, мол. Но сложно и охренеть как долго. А если говорить точнее, то два месяца в больничном стационаре.

Пу-пу-пу...

Пу-пу...

Ну ок, как говорят в народе. Согласие Изольды на госпитализацию мужа не требовалось, и дело стало делаться. Безобразова перевели из частной клиники в государственную, оставили под круглосуточным присмотром врачей и тайников, и назначили четвёртое, – сегодняшнее то бишь, – слушание.

И всё бы ничего, вот только:

– Два месяца, – сказал я Солнцеву. – Это два месяца. Знаешь сколько раз его в этой больнице могут убить?

– Погоди. А как же канцелярские?

– А как же крыса среди канцелярских?

– И то верно...

К слову! Факт слива оперативной информации уже расследовали, да только меня во внутреннюю Канцелярию никто не посвящал. И мне от этого расследования ни горячо, ни холодно. Мне надо Безобразову безопасность обеспечить.

Стал я думать и гадать, и кое до чего догадался. Помнится, никто не тянул князя Волконского за язык в тот момент, когда он говорил, что в неоплатном долгу передо мной. Так вот! Оказывается, что в очень даже платном!

Я попросил князя приставить к Безобразову дополнительную охрану. За спрос, как говорится, не бьют. Вот только прежде, чем Волконский принял решение, у нас с ним случился разговор:

– Так ты у нас сын Орлова, получается? – ради такого Игорь Николаевич даже вызвал меня к себе; опять на тот же самый причал.

– Получается, – ответил я.

– Никогда этого говнюка не любил, – ухмыльнулся Волконский. – Ты уж извини, но папашка твой был сволочью.

– Подозреваю.

– Даже удивительно, что ты нормальным получился.

– Спасибо.

– В деда, наверное.

– Наверное.

И тишина. И только князь опять чаёк прихлёбывает.

– Гхым, – Волконский поёрзал на стуле. – Ну и откуда ты узнал, что тебе причитается наследство? Как ты вообще в эту сторону начал копать?

– Так ведь письмо и...

– Не надо! – прервал меня князь. – Не надо мне пересказывать то, что ты в суде балаболишь. Убедительно, конечно, но балаболишь. Какой-то участковый вдруг ни с того и ни с сего, по собственной инициативе, начал расследовать дело, о котором даже подозревать не мог. Судья может и поверила в сверхъестественный профессионализм наших правоохранителей, а вот я нет. Я же не судья, – хохотнул Волконский. – Я никакими рамками не скован. Так что расскажи, Василий Викторович. Слушаю тебя внимательно.

Ну... тут либо до конца гнуть свою линию, либо до конца раскрываться. А князь пусть человек приятный, и сделал для меня уже очень много, но я пока что к камингаутам на таком высоком уровне не готов. А потому:

– Чистое везение, – сказал я.

И далее выстроил логическую цепочку от рассказа бабушки о том, как сильно Орлов был влюблён в мою мать, – мол, о ничтожном шансе наследства я начал фантазировать уже с тех пор, – и до случайного знакомства с Захаром, который по удачному стечению обстоятельств оказался одержим поимкой подпольных менталистов и вдобавок был племянником именно ТАКОГО дяди.

– Действительно, пришлось подтолкнуть Захара Палыча к тому, чтобы он начал расследование, – закончил я. – Так что тут действительно грешен.

– И всё?

– И всё.

– Ну ладно, – князь подался вперёд и помрачнел. – Сделаю вид, что поверил. Но только учти, Каннеллони, если ты замешан в чём-то нехорошем, а я тебе помогаю, то тень от этого нехорошего упадёт в том числе и на меня. Мало того, что мы с тобой бизнес-компаньоны, ты меня сейчас ещё и в подельники записываешь. Так вот. Скажи, пожалуйста, Василий Викторович, когда Его благородие Геннадий Витальевич Безобразов снова обретёт возможность разговаривать, он действительно скажет то, что мы хотим услышать?

– Уверен в этом.

Тут мне пришлось выдержать взгляд князя, но по итогу:

– Хорошо, – сказал он. – Верю. Но второго шанса у тебя не будет. Мы друг друга поняли?

– Весьма.

– Хорошо, – Волконский снова откинулся на стуле и снова стал весел. – Сколько человек тебе понадобится для охраны?

В тот же день князь приставил к Безобразову своих людей, чтобы уж наверняка избежать несчастных случаев, я окончательно успокоился и-и-и-и...

И всё. Фух! Кажется, этот гнойник вот-вот окончательно прорвётся и скоро всё закончится. Задолбали меня уже все эти скандалы-интриги-расследования. Я же, блин, повар, а не детектив! И слава тебе яйцы, вернусь к любимому делу уже завтра, потому что сегодняшнее заседание официально объявлено последним.

Высидел я его кое-как, но всё-таки высидел. Час икс наконец-то настал и теперь на моих глазах вершилась история. Судья, – та самая Лариса Тимуровна, – в последний раз выслушала обе стороны и попросила тишину. Постучала молоточком, встала с места, выдержала театральную паузу и сказала:

– Суд готов объявить о своём решении...

Уф-уф-уф... Ну что, Василий Викторович? Готов стать графом? Да? Да-а-а-а!

– Василий Викторович Канеллони официально признаётся бастардом покойного графа Виктора Степановича Орлова и наследует полагающийся ему по закону процент от имущества рода Орловых, а именно теплоход «Ржевский»...

Секундочку... что?!

Глава 3

Прогремел взрыв на дне говённого болота, и началось бурление. Шумное! Злое! Безудержное! Люди повскакивали со своих мест. Люди принялись орать на недовольном и топтать ногами, а кто-то даже ломанулся по проходу в сторону судьи. Трёх молодых девчонок с надписью «ВА» на левой щеке и «СЯ» на правой под руки вывели из зала.

И вот ведь... чёрт, а?! Народ реально был на моей стороне, без шуток! Пускай для большинства всё это просто увлекательное реалити-шоу, а мы с Марковной в нём актёры, но люди ведь пришли меня поддержать! Прямо сюда! Физически!

– Фу-у-у-у! – орала толпа.

Неразборчивые проклятия стаей летели в адрес судьи, Орловой и решения в целом. Лариса Тимуровна в свою очередь хреначила молотком и требовала тишину, да только её голос пока что тонул в общем гуле. И пришлось ей ждать, пока толпа не выдохнется.

– Смотри-смотри, – шепнул мне Солнцев и указал на Тимуровну. – Она не злится.

– И что?

– Улыбается даже.

– И что?

– Как будто ожидала такую реакцию.

– И что? – заладил я; для меня последние новости были всё равно что удар пыльным мешком с железной стружкой по голове, и соображал я пока что туго. – Что дальше-то?

– Не знаю, – ответил Солнцев. – Но это ещё не конец.

Что ж... кажется, сегодня из нас двоих менталистом оказался Яков Саньч. Даже просто попытаться залезть в голову к судье – дело не просто подсудное, а сразу же висельное. И потому нам действительно не оставалось ничего кроме, как читать мимику Ларисы Тимуровны и пытаться понять её язык тела.

– Тишина! – наконец-то ей удалось перекричать недовольных. – Я не закончила! Решение суда насчёт признания Василия Викторовича Каннеллони бастардом графа Орлова и передачи ему теплохода «Ржевский» вступает в силу с сегодняшнего дня.

И снова трах молотком! И вроде бы ничего нового кроме сроков озвучено не было, но на лице у Тимуровны реально заиграла какая-то уж больно озорная улыбка. Видно, что судья старается её скрыть, но где-то внутри кайфует от происходящего. Как будто бы... я даже не знаю... как будто бы собирается рассказать концовку анекдота?

– Вторым решением суда, вступающим в силу с ЗАВТРАШНЕГО числа, – Тимуровна нарочно нажала на слово, – все счета семьи Орловых объявляются замороженными сроком на полгода либо до полного выздоровления Безобразова Геннадия Витальевича и слушания дела с его непосредственным участием...

Не знаю, что за глубинная часть мозга приняла решение о том, что мне срочно нужно вскочить на стол, но я даже опомниться не успел и вот я здесь – стою выше всех, воздев кулаки к небу и то ли ору, а то ли смеюсь.

– Я-ХА-ХАЙ-ЛЯ!!! – закричал Солнцев и крепко сжал меня в объятия... ну... где-то внизу, за колени, как мог.

За спиной наше фанатёе заорало на сотню глоток, – на сей раз радостно и совершенно безжалостно по отношению к себе, прямо вот на разрыв связок. Вспышки десятков фотоаппаратов сработали, как чёртов стробоскоп. Кто-то из Орловых уже начал потасовку с репортёром, а полиция уже растаскивала их.

Ай да Тимуровна! Ай да затейница! Такой твист провернула!

– КА-НЕ-ЛЮ-НИ! – постепенно пришло на смену разрозненным крикам; народ реально принялся скандировать моё имя! Кто рок-звезда?! Вася рок-звезда! Да?! Да-а-а-а!!!

Веселье! Смех! Счастье для всех и каждого, кроме Марины Марковны и её людей! Да и ну их в жопу!

– Тишину! – закричала судья спустя время, дав людям выпустить пар. – Василий Викторович, слезьте со стола! Накажу!

– Да, Ваша Честь, – я прыгнул вниз к Солнцеву. – Простите, Ваша Честь, – и сел обратно на своё место.

– Кхм-кхм, – прокашлялась Лариса Тимуровна. – Сеть ресторанов «ОрловЪ» и прочие предприятия семьи Орловых продолжают работу в штатном режиме. Внутренние финансовые операции, а также расчётные операции с партнёрами допустимы, а недопустимы...

Короче!

Дальше даже сама Тимуровна продолжила читать по бумажке, уж до того оказался матёр канцелярит постановления и его формулировка. Но если в двух словах и на нормальном русском, то получалось вот чего:

Марковне нельзя снимать наличку. Марковне нельзя продавать и покупать недвижимость, транспорт, драгоценности, предметы искусства и роскоши. Марковне нельзя дарить имущество и вершить благотворительность. Марковне нельзя окольными путями делать то, что нельзя, ведь к ней будет приставлен специальный дядька-аудитор, который будет тщательно следить за всеми денежными потоками. Короче, Марковне нельзя сливать имущество.

А можно Марковне продолжать вести бизнес, чтобы он не загнулся раньше времени и перешёл в мои загребушие полнокровным, цветущим и бабло приносящим. И ещё ей можно за сегодняшний день вывести на специальный счёт сумму денег, цитирую: «достаточную на достойное проживание семьи в течении полугода».

Вот это, конечно, так себе. Особенно учитывая, что точную цифру судья не назвала. Но такое решение можно понять. Пока вина Марины Марковны окончательно не доказана, – а она не доказана, – унижать нищетою аристократку, а тем более графиню, попросту нельзя. С этим в Империи строго. Дворянская честь превыше всего и так далее, и тому подобное.

И снова: бах-бах-бах! – простучал молоточек.

– Вынесенный вердикт понятен обеим сторонам конфликта?

– Да, Ваша Честь! – захлёбываясь счастьем крикнул Солнцев.

– Да, Ваша Честь, – уныло повторил за ним Свистопляцкля.

– В таком случае слушание объявляю закрытым.

Вдова Орлова под конвоем своих мордovorотов тут же покинула зал, ну а мы с Солнцевым, конечно, задержались.

– Звёздный час, – как мантру повторял Яков Саныч, шествуя к толпе репортёров. – Звёздный час...

Буду честен сам с собой – через неделю никто уже не вспомнит ни суд, ни кто такой Вася Каннеллони, но свою порцию внимания я урвал сполна. На выходе сперва почувствовал себя, как залётный ковбой в чужом салуне, вот только вместо револьверов на меня уставились микрофоны и камеры. Ну а как ещё? Я же нынче ходячий инфоповод!

Так что интервью я, конечно, дал. Но коротенькое. Доволен ли я решением суда? Так ясен хрен, что доволен! Что я сейчас чувствую? Всё самое лучшее! Какие у меня планы на будущее? Ждать излечения Безобразова! Ах, да, ещё! Чуть не забыл! Посещайте «Загородный Клуб Каннеллони» и игры мытищинских «Волчиц»! А Волковская пивоварня, если вы вдруг не знали, лучшая пивоварня в мире... про эту нативную интеграцию мы с господином Кокушкиным потом отдельно поговорим.

Во-о-о-от... А о чём ещё говорить-то?

Короткое интервью, небольшой фотосет с Яков Санычем, а потом меня взяли и затискали. Те три девчонки, которых выдворили из зала суда, всё-таки до меня добрались. Жали,

мяли, обнимали, как будто я какой-то поющий кореец. Но до непотребства дело не дошло. Во-первых, барышни слишком юны и впечатлительны, а я слишком порядочен чтобы этим пользоваться. А во-вторых, даже если бы я решил ради исключения стать непорядочным, девушек спугнул Яков Саныч. Тоже полез к нам в кучу обниматься, и был воспринят неправильно.

Но домой я всё равно возвращался, как мартовский котяра. Волосы взъерошены, верхняя пуговица рубашки оторвана, а на щеке нестираемый след от помады. С победой возвращался, пускай и с промежуточной. Со щитом! Я со щитом, получается, а Марина Марковна во shit-е. Каламбур средненький, но годный, надо запомнить...

– Ох ничего себе, – Яков Саныч заметил обновку ещё издали. – Смотри чего тут наворотили, пока нас не было!

И действительно. Закончив со всем основным, строители Волконского занялись косметикой. Так что помимо парковочного кармана, напротив «Грузинского Дворика» теперь стоял здоровенный сине-белый указатель со стрелочкой и надписью «Загородный Клуб Каннеллони».

Чуть за ним биллборд, а на биллборде всё как надо. Простенький логотип в форме стилизованной буквы «К», контактные данные, перечисление основных услуг и годный визуал. На половину плаката парочка очень выгодных фотографий наших блюд, – а именно паста с осьминогом и румяный стейк, – а на другую добрая такая девичья попа в купальнике на фоне пляжа. Идеальное сочетание, как по мне.

Но и это ещё не всё!

Главная фишка расположилась чуть дальше. Здоровенная входная инсталляция; красивая и запоминающаяся. Два каменных столба с факелами, а над ними деревянная арка и вывеска. Не знаю, откуда вдруг выскочила эта ассоциация, но ворота в «Загородный Клуб Каннеллони» внешне напомнили мне ворота в Парк Юрского Периода, вот только без створок.

Такси остановилось рядом со входом, и мы с Солнцевым вылезли наружу. Тут же обнаружилась стойка с меню и прейскурантом услуг пляжа, а чуть дальше небольшой загончик для хостес. Крытый от дождя и чем-то напоминающий палатки, в которых на югах торгуют экскурсиями, вот только в тысячу раз более стильный. Фактурное обработанное дерево – наше всё.

– Добрый день, молодые люди, – улыбнулась нам новенькая хостес, которая никогда прежде ни меня, ни Яков Саныча не видела. – У вас забронировано?

А я даже не успел ей как-нибудь забавно ответить, хоть и ситуация для этого сложилась просто идеальная.

– ВА-АА-СЯ-ЯЯЯ!!! – сшибая на бегу друг друга, к нам уже бежали пацаны.

Мишаня Кудыбечь, Гио, Санюшка и успешно интегрированный в тусовку Захар Палыч. Следом за ними перебирая короткими лапками неслась Тырква. А уже за Тырквой мерно вышагивали Стася с Греттой на поводке и Агафоныч без поводка. Отрадно. Кажется, эти двое перебороли неловкость, забыли всякое, и начали общаться. А там, глядишь, и вообще подружатся...

– Вася!

– Пасаны!

– Ва-аа-а-ся!

– Пааа-сааа-ныыы!

Вообще, когда на тебя бежит человек с комплекцией господина Пацации, по логике вещей надо бы развернуться, притопить в противоположную сторону и на всякий случай помолиться всем известным богам. Но только не сегодня! Сегодня меня замызгали ещё раз, – теперь ещё и по-дружески. Руки жали, волосы трепали и били в плечо.

– Так ты граф или не граф? – судя по грязнучему кителю, Санюшку ещё не успели ввести в курс дела, и он пока что радовался просто так.

– Пока что нет, – ответил я.

– А денег-то дали?

– Пока что нет.

– А чего дали?

– Теплоход.

– У-у-у-ух!

– Ржавый правда и очень старый, но ничего. Основной барыш ещё впереди.

Санюшка чуть подумал, а потом выдал сентенцию о том-де, что даже старый ржавый теплоход тоже является частью Вселенной, и мы всей толпой двинулись на пляж.

Ожидаемо, в одном из гостевых домиков уже был накрыт банкет. Ребята даже не рассматривали негативный исход суда и приготовились праздновать заранее. На столе встала батарея вкусных дорогих бутылок и нехитрые закуски – соленья, фрукты, сыр, мяско, баклажановые рулетики. А в качестве украшения стола Его Величество Хамон. Нецелованный окорок на деревянной подставке. Всё как надо; всё как любим.

Насчёт горячего Миша распорядился так: пускай каждый закажет себе что хочет по основному меню. Сказал, что смена сегодня на кухне толковая и уже сработавшаяся. Коля с Толей и кто-то ещё, с кем я пока не успел познакомиться.

Уже в домике к празднику присоединились Зоя Афанасьевна, Ванька Таранов, Настя Кудыбечь и госпожа Сидельцева со своими парнями. Все в сборе, короче говоря, все тут. Все ржут и галдят вразнобой. А я, блин...

И соскучился вроде по всем, и хочется со всеми обстоятельно поговорить, и узнать что нового, и рассказать своё, а получается пока что лишь кратко брызгать оптимизмом и смеяться, – так же, как и все вокруг.

Ну да ничего.

Времени поговорить с каждым у меня ещё будет предостаточно.

Дзынь-дзынь-дзынь! – ножиком да по бокальчику, всеобщее внимание привлёк к себе Саша Аничкин. Спросил у всех ли налито, чуть подождал, а потом начал толкать речь:

– Я речи толкать не умею, – сразу же отмазался на всякий случай. – Но всё равно хочу сказать. Вася! Ты только не обижайся! Мы за тебя сегодня обязательно выпьем, притом не один раз. Но первый тост я хочу сказать в честь другого своего друга...

Тут я заметил, как Гачин-Мучинский ухмыльнулся и тряхнул головой.

– Я хочу выпить за Захара! – продолжил Санюшка. – Он ведь скромный у нас, да?! Все знают! Скромняга херов! А ведь у него сегодня тоже праздник! Да, Захар?!

– Ну хорош...

– Праздник-праздник! Мне рассказать или сам расскажешь?!

– Саш, ну правда. Неловко как-то и...

– Давай-давай!

– Ну хорошо.

Захар Палыч встал из-за стола, вздохнул через мечтательную улыбку, а потом вместо тысячи слов сунул руку в карман и...

– О-о-о-ооо!!!

...и достал новенькую, чистенькую, хрустящую кожаную ксиву с буквами «Т.К.Е.В.». Тайная Канцелярия Его Величества, ага.

– Оо-о-хо-хо-хо! Захар, красавчик! – понеслось вразнобой с разных сторон. – Поздравляем! Молодец! Да?! Да-а-а!

Ну охренеть! Шёл парень к успеху, шёл, шёл и дошёл! Добился-таки своего! Поймал шанс, вгрызся в него зубищами и не отпустил до последнего! А особенно приятно, что я в этом довольно плотно поучаствовал и... и это что же теперь? Это у меня теперь, получается, ещё и в Канцелярии свой человек имеется?!

Ах-ха-ха-ха! Вот-это-поворот! А кто бы мог подумать, а?! Особенно учитывая то, как хреново мы с ним начали!

– Да я на испытательном, – начал бубнить Захар Палыч, отмахиваясь. – Младший сотрудник и вообще, – да только хрен ему кто позволил этот самогазлайтинг; столько добрых слов напихали, что от успеха откреститься было просто невозможно.

Итого: я выиграл промежуточный суд и стопудово выиграю основной, Захар Палыч вступил в должность, Агафоныч в составе «Чумного Сала» прошёл отборочный тур на чемпионат по «Call of Empire», Миша со Стасей наловчились рулить пляжем без посторонней помощи, и даже Гио впервые прилюдно приобнял за бочок свою Ритку Огонёк. И всё так у всех хорошо! И всё так здорово! И всё так... так... ТАК!!!

И такое щемящее чувство у меня в груди возникло... хм... как бы ухитриться его описать? А, во, придумал! Такое чувство, что пора пускать титры. Что всё, как будто бы.

Чёрт! Неужели мы действительно пережили всю эту жесть и впереди теперь лишь лето, молодость и счастье?

– А что там за теплоход-то? – спросил барон Ярышкин, неумело отрезая себе «слайстик» хамона сантиметровой толщины.

– «Ржевский».

– М-м-м, – нахмурился Агафоныч, вспоминая. – Не слышал о таком. Не видал, и не катался, это точно.

– Ну так давай вместе съездим, да глянем что там. Завтра, например. Поехали?

– Поехали...

Имение Орловых

Марина Марковна долго рефлексировала и пыталась понять, что же именно завладело ей: материнский инстинкт или всё-таки жажда мести? Или и то и другое разом смешалось в этот ядовитый коктейль? Не важно!

Важно, что решение для себя она уже приняла. Пусть её посадят. Пусть её даже казнят, а Каннеллони всё равно не получит ничего из того имущества, что причитается детям Марины Марковны. Мячик улетел с правового поля, и теперь пойдёт другая игра. Второй тайм пройдёт в грязи.

Каннеллони сдохнет!

Нет человека – нет проблем. Завещание на имя Васеньки, говорите? А нету больше вашего Васеньки! Что будет после этого с самой Орловой – насрать и растереть. Главное, что Ольга и Сергей сохраняют фамилию и все активы семьи.

Осталось лишь исполнить задуманное. Как? Легко и просто. План уже готов. Коварный план, изящный и конечно же невероятно подлый. Дело в том, что к Безобразову не подобраться – всё, забыли. Сам Вася на эти два месяца тоже наверняка забаррикадируется на своём чёртовом пляже, под круглосуточной охраной людей князя Игоря Николаевича. Так что добывать его шкурку придётся боем. Лоб в лоб. Другого пути просто нет; его не существует.

Однако пойти в бой своими силами никак нельзя. Разборка двух знатных родов не закончится ничем хорошим. Кровную вражду не просто так называют «кровной». Разъярённый Волконский может вырезать весь род Марины Марковны под корешок, и будет на это в полном своём праве.

Денег на наёмников нет. А даже если собрать всё золото, что есть в доме, то не найдётся сейчас в Империи тот дурачок, что вступится за Орловых. Не в рядах аристократии – это уж точно.

И остаётся лишь путь в обход. Мимо дворян и их чёртовых правил.

– Добрый вечер, господа, – Марина Марковна вошла в зал.

В тот вечер непрерывно бил по крыше дождь, и гром гремел ужасно где-то у реки. А за большим круглым столом вдову уже ждали трое.

Первый – Глеб Савельевич Орлов. Преданный цепной пёс; куда же без него? Второй, – вот так диво, – эксцентрично одетый пузан из цыганской диаспоры по имени Рома Иванов. Ну а третий представился именем Жуй-Жуй и присутствовал здесь от лица немногочисленного русского филиала японской мафии.

Что Иванов, что Жуй-Жуй связались с Мариной Марковной сами, – причём уже давно. Узнали о судебном процессе из новостей, глянули, увидели на экране очень знакомое лицо, – наглое и белобрысое, – и решили уточнить, могут ли они чем-то помочь Орловым против Каннелони?

Враг моего врага, ага...

Мотив цыгана Иванова был предельно ясен; его к действию подстёгивала банальная месть. А вот Жуй-Жуй... скажем так – японцев интересовал не столько сам Вася, сколько одна занятая вещица, которой он с недавних пор располагал. Демонический нож сантоку.

Давным-давно этот нож, зарезервированный для сына главы клана якудз, таинственным образом пропал из антикварной лавки. Виновника вычислили на раз-два – это был местный алкаш Мин Сель Хоз. Вот только этот алкаш оказался не так прост и пропал на несколько лет. Зато когда появился...

Мин Сель Хоза приняли прямо в аэропорту. Бедняга устал от холодной неприветливой страны, где каждый норовил назвать его бурятом или пошутить про маленькую письку, и решил вернуться к корням. Вернулся. Попался. И тут же рассказал о судьбе сантоку; исповедался при помощи Паяльника Правды. А потом сразу же полетел обратно в качестве единственного живого свидетеля, который знал о судьбе ножа и его нового владельца.

– Марина Марковна, – первое слово взял цыган. – Глеб Савельевич примерно ввёл нас в курс дела и мне есть что сказать.

– Раз есть, – ответила Орлова, – то говорите, – и присела за своё место.

– Наш клан с радостью поможет вам деньгами, людьми и лошадьми... ну, вдруг понадобится? Но при всём уважении, Марина Марковна, мы не воины. Нам никак не выстоять против одарённой охраны князя.

– Мы тоже не можем рисковать прямым столкновением, – подключился к разговору господин Жуй-Жуй. – Наши силы внутри Российской Империи очень ограничены. Миссия самоубийственна, и мы не можем так рисковать.

– Угу, – кивнула Орлова, откинувшись на спинку стула. – Кажется, Глеб Савельевич ввёл вас в некоторое заблуждение. Господа, я не прошу вас быть пушечным мясом, – сказала она. – Особенно учитывая мою скромную роль наблюдателя, это было бы просто подло. О, нет, господа. Мне понадобятся другие ваши таланты. М-м-м... назовём их «криминальными».

В этот момент молния ударила где-то совсем рядом, особняк сотрясся и оглушительный гром заполнил собою всё время и всё пространство.

– Кхм, – прокашлялся Иванов, когда всё стихло, и сказал: – Это можно. Но позвольте уточнить: о талантах какого рода идёт речь?

– Подкуп, – пожал плечами Орлова. – Шантаж. Обман. Компромат. Быть может, придётся взять заложников, а быть может сделать подкоп.

– Подкоп? – переспросил Жуй-Жуй. – Марина Марковна, пожалуйста, прекратите говорить загадками.

– Хорошо.

Орлова улыбнулась и обвела взглядом всех присутствующих.

– От вас всего лишь требуется вытащить из тюрьмы одного человечка, – сказала она. – А всё остальное он сделает за нас, – и начала смеяться. – Ах-ха-ха-ха!

Тут молния шарахнула ещё раз.

– Ах-ха-ха-ха-ха!

И снова.

– АХ-ХА-ХА-ХА-ХАА-ААА-АА!!!

А где-то далеко-далеко в этот же самый момент в своей одиночной камере икнул Егор Сидельцев.

– Вспоминает, что ли, кто-то? – пробубнил он себе под нос и продолжил отжиматься на мизинцах...

Глава 4

Ущерб для бизнеса налицо, но что поделывать? Итого в клубе было двенадцать гостевых домиков, и четыре из них функционировали не по своему прямому профилю. В один из них перебрался я сам, во второй Его благородие Ярышкин, – наконец-то мы с ним уже разъехались, – третий был на постоянной основе зарезервирован за «Волчицами», а в четвёртый сегодня по утрам я насильно заселял бабу Зою.

– Тебе здесь будет лучше, – в очередной раз повторил я и начал загибать пальцы: – Свежий воздух – раз. Пляж – два. Готовить не нужно – три. Я всегда под рукой – четыре. Да и общение какое-никакое, люди вокруг, движуха, – я продемонстрировал Зое Афанасьевне сжатый кулак, а она всё равно:

– Неудобно как-то, Вась.

– Неудобно, бабуль, в обшарпанной панельке жить.

– Вася!

– Доброе утро, Зоя Афанасьевна, – на пороге появился Санюшка с клетчатой сумкой в одной руке и шлемом космодеса в другой. – Куда положить?

– Да прямо на пол складывай, – ответил я. – Спасибо.

– Не за что, – кивнул Саша, скинул вещи и пошёл обратно к машине.

Ещё засветло я взял у Погоняла джип и метнулся на район, в нашу квартиру. Забрал оттуда всё самое нужное и перевёз на пляж. Если что-то забыл – не беда, купим новое. Но оставлять баб Зою там я не намерен.

А причин тому сразу две. Первая – это безопасность. Вторая – чисто человеческая. Дело в том, что баб Зоя – это на данный момент вся моя семья, а семья должна жить вместе. Так уж у нормальных людей повелось. И теперь, когда у меня всё наконец-то наладилось, появились деньги и задница не рвётся на британский флаг от тысячи тысяч дел, я просто не могу представить себе ситуацию, в которой я буду жить тут и кататься как сыр в масле, а баб Зоя останется одиноко пенсионерить где-то за бортом красивой жизни. Ну это просто фу какая гнусь. И даже обсуждению не подлежит.

– Вася, – подозрительно сощурилась бабушка. – Ты же не собираешься продавать квартиру?

Я в ответ аж потерялся. Сперва. Потом, конечно же, заржал. Ну уж нет! Какая ни есть, а недвижимость – это недвижимость. И её продажа противоречит здравому смыслу. Не стой на линии спила, не ссы против ветра, не бей девчонок ранцем и не продавай недвижимость – вот немногие из тех правил, которым я следую по жизни неукоснительно.

– А чего ты смеёшься? – Зоя Афанасьевна сощурилась ещё уже, а потом...

Будь на её месте какая-нибудь другая бабушка, – чуть более форматная и предсказуемая, – то она рассказала бы мне историю про подлых внучков из криминальных хроник. Но Зоя Афанасьевна – это Зоя Афанасьевна, и меня ждало небольшое путешествие в лор «Звёздного Молота».

– Казимир Драак с планеты Скорпус тоже свою бабушку-астратега пригласил пожить на корабле. И знаешь, чем дело закончилось? Дом-крепость разобрали дредноуты Тёмных Механикус, фамильяра-сервокранка пустили в расход, а бабку опоили и засунули в кибер-саркофаг, чтобы не мешалась, – Зоя Афанасьевна недовольно засопела. – Так что всякое в жизни бывает, знаешь ли. Сомневайся, бди, подозревавай...

– Ба.

– ...ибо даже тень твоей собственной души жаждет предать тебя!

– Ба-а-а-а...

– Предательство – закон Вселенной, что крушит миры вернее пуль макро-орудий!

– Ба! – улыбнулся я. – Не переживай. Никто тебя не засунет в этот... как его?

– Кибер-саркофаг?

– Точно! Обещаю, обойдёмся без этого.

– Василий Викторович, – очень вовремя на пороге домика появился Агафоныч. – Ну ты чего, готов? Едем теплоход смотреть?

– Едем.

Напоследок я чмокнул бабу Зою в щёку, и мы с Ярышкиным двинулись к выходу из клуба. По дороге ненадолго тормознули рядом с кухней; чисто поздороваться. Мишаня окончательно вжился в роль шефа: задумчиво бродил по цеху с планшеткой и писал заказ на продукты. А прямо у него по пятам, заложив руки за спину, следовал очень деловой Таранов.

– Хер Мишель, закаши мне килограмм эстрагона.

– Килограмм эстрагона, – машинально повторил Кудыбечь и уже было дело начал записывать, но тут переменился в лице. – Сколько?!

– Килограмм.

– Ты вообще визуально представляешь себе килограмм травы?! Тебе куда столько?! Ты чо с ним делать собрался?!

– Буту настаифать хмельной тархун, – невозмутимо ответил Ваня, а потом погнал в ответ: – Патаму што мне польше нечефо делать! Когда уше приедет моё опорудофание?!

– Да приедет оно!

– Когда?!

– Скоро!

– Когда «скоро»?!

– Обещали к концу дня!

– Значит, то конца тня мне нушен мой тархун!

Короче говоря, производственный процесс шёл полным ходом.

– Всё нормально у вас? – спросил я и пожал мужикам руки.

– Нормально, – кивнул Кудыбечь, но почти тут же осёкся. – Ну почти.

– Что случилось?

– Гио заболел.

– Ух...

– Ага. Припёрся полчаса назад никакущий. Потный, бледный, еле на ногах держится. Сказал, мол, давление шарашит, все дела, бывает. Мы его пока что в административном корпусе кинули отлежаться, а там посмотрим.

– Понятно. Ну... ты отпусти его, если уж совсем плохо станет, ладно?

– Конечно...

От этой новости у меня в голове промелькнула вполне логичная мысль. Слишком уж Гио молод для гипертоника, но... я же не врач. Мало ли какая болячка у человека? А потому я просто пожелал поварам удачной смены, завершил на том утренний обход владений и вызвал такси. Всё-таки мы с Владимиром Агафоновичем отныне товарищи состоятельные и вполне можем позволить себе поездку на Речной Вокзал мимо метро и электричек. Да и вообще!

– Комфорт плюс, – пробубнил я и тыкнул на кнопку...

Кабы не комфорт плюс и благословенный кондей, сдохли бы. Пробка такая, что аж каламбур в её отношении напрашивается. Асфальт за окошком плавится. Люди опаздывают. Люди гудят, и злятся, и ругаются, и орут друг на друга почём зря. Ярость прям в воздухе витает. А кабы не мы с бароном Ярышкиным, то и до рукоприкладства бы дошло.

Прямо перед нами газелька случайно притёрла джип. Из джипа выскочил лысый дядя формата два на два, а из фуры боевой парнишка в серой спецовке, – причём парнишка сразу же прихватил с собой на всякий случай монтировку. Вид монтировки возмутил лысого дядю, –

возмутил и заодно спровоцировал. А потому он без лишних слов сразу же полез ковыряться в багажнике. Видать, у него тоже было припрятано какое-то дорожное оружие...

– Василий Викторович, твой выход, – сказал Агафоныч. – Тренируйся давай.

– Понял, – ответил я и напруг источник.

Мордovorот на секунду подвис, а потом его рука вместо бейсбольной биты потянулась к пакету с продуктами. Парнишка тем временем напрягся дальше некуда, но... чудеса! Широко улыбаясь, лысый вылез из багажника и на вытянутой ладони протянул парнишке персик. Большой такой, мохнатый, и сочный даже на вид.

Парень сперва подумал, что над ним стебуются, но:

– Дру-у-у-уг, – протянул лысый со всё той же доброй улыбкой и сделал шаг вперёд.

– А теперь пускай они станцуют, – велел Агафоныч.

– Ну не, – ответил я. – Перегибаешь. Но мысль я уловил...

Мужик из джипа и парень в спецовке пожали друг другу руки, обменялись телефонами для страховых и поехали дальше. А я с тех пор нещадно выжигал ману и поднимал окружающим настроение. Гневные мыслестрочки вниз, приятные наверх.

Да будет радость, мир и братство! Да будет, я сказал!

Источник уже оправился от перехода на шестой уровень, так что прокачка сейчас была очень даже в тему. Со слов Агафоныча, после десятого у меня уже будет самостоятельно получаться что-то типа контроля. А к двадцатому я смогу устраивать людям персональные галюны. Но пока что так: еду себе в такси по пробке и дарю людям счастье.

«Вот тебе и злые коварные менталисты, да?» – прилетела мне в голову мысль барона. Чтобы не палиться перед таксистом, мы с ним общались без слов.

Мысль зацепила и всю оставшуюся дорогу я размышлял над тем, какой же всё-таки удивительный дар мне достался. А ещё придумывал способы... м-м-м... позитивного ментального воздействия. Доброго чтобы. Чтобы во благо. В конце концов понял, что воздействие подобного рода исключительно интуитивно и никакому прогнозированию не поддаётся.

Ладно.

– Спасибо большое, – мы с Агафонычем расплатились и вылезли из такси.

И вот вообще не скажешь, что мы сейчас почти в самом центре Москвы находимся. Дорога вроде бы асфальтовая, но при этом максимально раздолбанная и как будто бы уже вросла в грунт. Справа забор из бетонных плит, похожих на серую заветренную шоколадку. Слева точно такой же. Вон ржавые мусорные контейнеры стоят, вон бараки какие-то, а вон склады. Одним словом – промзона. Хотя если залезть чуть повыше, то и козырные столичные высотки станет видно, и одну из кольцевых бабочек-развязок.

Ну а нам сейчас...

– Прямо, – сказал я, сверившись с навигатором, поднял глаза и охренел окончательно.

Дорога ко «Ржевскому» лежала через огромную свалку строительного мусора. Старые деревянные поддоны, насыпи взрытой земли, разбитые бетонные блоки и куски арматуры тут и там. В качестве противоваськовых ежей, ага.

– А ты точно уверен, что нам туда?

– Уверен.

– Ну пойдём, что ли?

– Ну пойдём.

Н-да... неудивительно, что музей запустел. С таким подъездом, даже Эрмитаж приказал бы долго жить.

– Осторожно! – я поймал Агафоныча за плечо и дёрнул в сторону прежде, чем гора мусора под его ногами поползла в овраг.

– Уъуъуъу! – погрозил Ярышкин кулаком непонятно кому.

А я с ним по этому поводу категорически согласен. Херня какая-то получается. Не выйдет у меня тут ресторана, не смогу. Даже если очень постараюсь и очень много денег вбухаю. Мы ведь в эти дебри пробирались сперва через парковку гипермаркета, а потом мимо аж трёх автоцентров. Так что все эти с виду заброшенные склады на самом деле кому-то принадлежат и активно используются.

То есть землю выкупить не вариант – не продадут. А облагораживать дорогу на чужой земле на свои кровные... только подумал об этом и аж передёрнуло.

Не! Даже если я решусь на такой щедрый жест, то не пройдёт и месяца, как они заново убьют асфальт своими фурами. К тому же! Дорогу надо расширить, а расширять некуда. Так и вижу, как благородные доны прибывают в мой изысканный ресторан и корячатся на однокорейке, объезжая спорткары друг друга по обочечной хляби. Грязь летит из-под колёс, а у кого-то позади непременно оказывается кабриолет. Скандал, дуэль, смертоубийство.

Не хочу я в это ввязываться! Затея – дрянь. Затея – чушь. Говно затея.

Не, ну выход-то очевиден...

У меня есть пирс в Пирогово и теплоход. Теплоход и пирс. Хм... Что же нужно сделать? Задача для детей младшего дошкольного возраста.

Привычка мыслить масштабно вновь овладела мной, и вот – вместо корабля-ресторана я уже начал планировать теплоходный круиз. Давным-давно мы с Агафонычем размышляли насчёт чего-подобного в отношении понтонного катера и потому уже пробили речные маршруты. Так вот простор их безграничен. В самых смелых наших фантазиях мы через Волгоград добирались до Ростова-на-Дону, затем по берегу Азовского моря выходили в Чёрное и швартовались где-то в Сочах.

Но то был бред двух мечтательных голодранцев, а вот сейчас... Сейчас всё изменилось. Сейчас всё возможно. Так и вижу: дамы в шляпках прогуливаются по белоснежной палубе «Ржевского», джентельмены раскуривают сигары, а в ресторане за роялем тихонечко играет старый морщинистый негр в шляпе...

– Ёптумать! – Агафоныч опять чуть не завалился в мусорку, и опять я поймал его в самый последний момент.

...так вот, о чём это я? Негр, да, точно. Официанты в бархатных жилетках с хлопком открывают шампанское, где-то в зале во льду лежат устрицы, и хрусталь кругом, и ковры, и мерное аристократическое спокойствие. А ещё капитан! Да-да! Он есть! И при посадке он лично встречает возле трапа благородных особ, – а ещё почему-то выглядит точь-в-точь как мультяшный доктор Ливси. Огромные фарфоровые зубы, непропорционально широкий грудак и тоненькие ножки.

Короче говоря, этот мир буквально создан для чего-то подобного!

Во-о-о-ооот...

И, повторяюсь, всё возможно. Вот только надо бы сперва вкурить что к чему с юридической точки зрения. «Ржевского» надо увезти отсюда... увеСтИ? Уплыть? Уйти? Как правильно-то?! А-а-ай, не суть!

Суть в том, что я даже приблизительно не знаю откуда начинать копать. По логике вещей, музеями занимается Министерство Культуры, и я на сто процентов уверен в существовании подобного ведомства в этом мире.

– Угу, – буркнул я себе под нос, достал телефон и сделал парочку фотографий с особо выгодных ракурсов. Постап как он есть. Пускай министерские сами посмотрят в каком состоянии у них находится исторический памятник.

– Итак, – сказал я вслух. – Предварительный план таков: заявиться в министерство, обрисовать проблему, предложить решение и надеяться на благоразумие чиновников.

Агафоныч почему-то заржал. Скептик, что с него взять? А вот я всё равно свято уверен в том, что подавляющее число человек в популяции вменяемо.

Долго ли, коротко ли, мы с бароном Ярышкиным продрались сквозь свалку к берегу. Картинка вокруг стала поприятней. Во-первых, вдоль берега сквозь кусты и прямо к трапу вела тропинка. Ну а во-вторых, я впервые увидел «Ржевского», и он меня ни капельки не разочаровал. Скорее даже наоборот. В жизни он оказался такой же величавый, как и на фотографиях в сети, вот только чуть более ржавый.

– После вас, – сказал Агафоныч с недоверием глядя на трап, и пропустил меня вперёд. Что ж... Вот и моя обновка, значит.

По скрипучей доске безо всяких перил я поднялся на палубу и первым же делом осмотрелся вокруг. Хлама, что характерно, нет. Да чего уж там? На палубе не было место даже для грязи – здесь ровным слоем лежал птичий помёт.

Ловить тут было откровенно нечего, а потому я дождался кряхтящего Ярышкина и вместе мы полезли исследовать глубины «Ржевского». Дюже хотелось уже пошастать по теплоходу туда-сюда и понять с чем я имею дело в плане производственных площадей. Ведь не каютами едиными, верно?

Итак.

На первом этаже... или на первой палубе? Или на нижней палубе? Или... ач-чорт! Да простят меня моряки и все причастные, Василий Каннеллони сухопутная крыса. Зато эта крыса может по рисунку жировых прослоек на стейке определить, чем и с какой периодичностью коровка питалась при жизни. Так что тут уж кто на что учился.

Короче говоря, на нижней палубе был тот самый бардак с исписанными стенами. Уверен, что заброшенный теплоход облюбовали подростки. Не, нуачо? Стены, пол, потолок, красивый вид на реку. Прекрасная локация для песен под гитару и первого в жизни глотка портвейна. Или что там у молодёжи нонче в почёте?

А что до планировки, то половину нижнего этажа действительно занимали каюты. Пустые, обшарпанные и грязные. В некоторых сохранилась кое-какая мебель, а в некоторых не было ровным счётом ничего. И судя по метражу, эти каюты были самыми дешёвенькими. Во всяком случае, я слабо себе представляю, как здесь можно разместиться с комфортом. Если только плыть в одиночестве, и то не факт.

Но то половина палубы.

Ещё четверть занимала большущая комната, которую было бы идеально задействовать под склад, а последняя четверть...

– Угу, – буркнул я себе под нос.

Стенки этого помещения и впрямь выглядели бронированными, а внутри не было ни одного окна. И даже ни одного бортового иллюминатора, да-да! А открытая настежь дверь с вентилем больше походила на дверь в банковское хранилище. Так что сомнений не оставалось:

– Вот здесь, значит, и катался золотой запас Империи, – просветил я Агафоныча и мы вместе полезли выше.

На средней палубе было уже не так грязно, зато скучно. Конкретно здесь всю площадь отвели под каюты. Но явно уровнем повыше, это да. Некоторые просто большие, а в некоторых даже по несколько комнат.

– Вась! – крикнул Агафоныч где-то позади; мы с ним что-то как-то внезапно разбрелись. – Иди ко мне!

– Чего у тебя там?!

– Дверь!

– Ну нихрена себе! Вот это роскошь!

– Да нет же, блин! Иди сюда, говорю!

И впрямь. Ещё издали я понял, что такого интересного хочет показать мне Агафоныч. У одной из кают не просто сохранилась дверь. Она вдобавок была заперта, заколочена крест-

накрест досками и увешана замками как новогодняя ёлка игрушками. И цепи ещё. Цепи-цепи-цепи.

– Интересно что там, – как бы невзначай вслух произнёс я и не успел Агафоныч согласиться, как вдруг:

– А-ААА-ААААС-С-СУКА!!! – откуда ни возьмись в коридор выскочило бородатое нечто. – КУДА ПОЛЕЗЛИ?!

Мужик. Седой. Даже издали понятно, что очень маленького роста, а судя по морщинам лет на десять постарше Агафоныча, – уже почти совсем старик. Однако жилистый при этом. Рельефный такой и судя по развиваемой скорости очень даже бодрый. В глазах пожар, в руках багор, на голове белая фуражка, а из кармана игриво выглядывает водочное горлышко.

Ну и рваная тельняшка ещё, как финальный штрих образа. Короче! Вот если на минутку предположить, что древнеславянская нечисть действительно существует, то этого мужика можно было бы окрестить Теплоходным. Ну... как аналог домового.

– АА-ААА-АААА! – и Теплоходный нас, кажется, не принял. – У-УУУ-УУУ!!!

Юзать ментал по поводу и без – не очень хорошо, но сейчас повод был налицо. Речь ведь не о том, чтобы вступить в кулачный поединок со стариком и вымутить себе фору. Речь о том, что мне сейчас железякой по башке может прилететь, и потом уже будет поздно разбираться.

А потому я чуть ли не рефлекторно вколотил мужику в голову мысль о том, что багор в его руке раскалился докрасна.

– Ай! – вскрикнул Теплоходный.

Выронил багор, с удивлением посмотрел на свою «обожжённую» ладонь и тут приблизился достаточно близко, чтобы я пробил ему по пузу.

– Бкх...

Мужик согнулся пополам, но по инерции продолжил движение дальше, в сторону барона Ярышкина. Агафоныч не растерялся, с ходу заломал Теплоходному руку и зафиксировал мужика в пространстве. Да так, что не вывернуться теперь.

– Вы кто такие?! – заорал Теплоходный. – Что вам надо?! Я вас не звал! Идите...

– Тихо! – рявкнул я, а затем повторил гораздо спокойней и ласковей: – Ти-и-и-ише. Мы новые владельцы судна, – а затем достал из кармана постановление суда, которое ясен хрен прихватил с собой на эту вылазку. – Вот, смотри. Видишь? Каннеллони – это я.

А Теплоходный не только теплоходный оказался, он ещё и боевой какой-то.

– Ничо я не вижу! – заорал он и начал извиваться. – Нехер мне тут бумажки какие-то под нос совать! Говорите зачем пришли!

– Мы пришли на свой теплоход, – повторил ему, как ребёнку. – Я новый владелец. И как новому владельцу, мне очень интересно кто ВЫ такой и что ВЫ здесь делаете...

– Господин! – вдруг раздался за спиной приятный женский голосок. – Отпустите его!

Я тут же обернулся и увидел, как из-за угла выглядывает смазливая кареглазая мордаха. Молодая девушка на вид лет... сколько-то. Чёрные волосы забраны в хвост. Черты лица тонкие и приятные, а глаза огромные и... кажется, есть такой термин «волоокая». Так вот девушка именно такую и была. Ресницы длинные, густые и безо всякой косметики подкрученные. А сам разрез глаз такой, что вот она сейчас вроде как орёт и даже что-то требует, но при этом всё равно выглядит томно.

– Отпустите! – повторила девушка и выбралась из-за угла целиком.

Уф. А тут ещё интересней. Пускай в её одежде не было похабных вырезов, а мне всё равно пришлось приложить усилие чтобы продолжать смотреть ей в глаза.

– Дедушка ни в чём не виноват! – продолжила она. – Дедушка здесь работает!

– Работает? – мысли мои от таких новостей вернулись в деловое русло. – Простите... кем?

– Дедушка капитан!

Глава 5

Еремей Бурево́й.

Ер-Р-ремей! Бур-Р-рево́й! Мне кажется, человека с таким именем рожали специально под заказ, чтобы впоследствии поставить за штурвал. Не, ну правда! Оно ведь и фонетически звучит грозно-приятно, и даже по смыслу подходит капитану судна.

Да и у внучки его имя тоже рычащее оказалось – Екатерина.

Так вот...

Здравый смысл возобладал и отныне никто никого багром бить не собирался. Все выдохнули, успокоились и представились заново. Еремей прочитал постановление суда и признал во мне владельца теплохода, а я смирился с тем фактом что у судна уже есть капитан. Хотя как так вышло мне пока что не особо понятно.

– Ну... давайте не здесь, – сказал Бурево́й. – Пойдёмте наверх, там есть где присесть и спокойно пообщаться, – а затем повёл нас с Агафо́нычем за собой, к лестнице на третью палубу.

И третья палуба меня порадовала. Бывший зал-ресторан сохранился в более-менее вменяемом состоянии. Даже столики есть. И даже не под замену! Грамотные специалисты могут всю эту красоту освежить и будут как новенькие. Кухня, опять-таки...

– Камбуз, – тут же поправил меня Еремей и осмотрел с ног до головы, мол, откуда ты такой вообще вылез?

Так вот. Камбуз большой и просторный, с остатками допотопной кухонной техники. По центру подвесной рабочий стол на цепях, а все остальные поверхности с бортиками, чтобы продукты при качке не укатывались. Интересно, блин. Впервые с таким сталкиваюсь.

Но функционировала здесь, насколько я понимаю, только небольшая плитка на две конфорки – современная и явно что принесённая Ереме́ем откуда-то извне. И это тоже радует! Стало быть, на теплоходе есть какое-никакое электричество.

– Пойдёмте-пойдёмте, – сказал Бурево́й и повёл нас дальше, в капитанскую рубку. – Вот здесь и живу...

Так. Ну а вот тут можно даже сказать, что чисто. С одной стороны вдоль окон приборная панель с кучей тумблеров, ручек, рычагов и стрелочных индикаторов. Тут же и штурвал. А вот с другой стороны импровизированная жилая зона. Расстеленный ко сну диван, стол с чайником и кое-какой посудой, стопка книг на полу... и стул-гардероб ещё! Точь-в-точь такой же у нас с Агафо́нычем на катере был.

– Присаживайтесь, – Еремей притащил нам с Ярышкиным два табурета.

Воткнул чайник, похлопотал насчёт посуды и выкатил на стол блюдо с баранками. Чайник отщёлкнул уже спустя половину минуты, – видать кипел совсем недавно, – и Катя Бурево́я разлила нам сперва кипяток, а потом и заварку.

– Сахару? – спросил Еремей.

Потом чуть задумался – решал насчёт уместности своего следующего предложения. Однако потом всё-таки махнул рукой, достал из кармана бутылку водки и игриво подмигнул.

– Или по маленькой?

– Я пас, – сказал я.

– А я дерябну, – откликнулся Агафо́ныч, поймал на себе мой взгляд и спросил: – Чего?

– Гхым-гхым, – будто фокусник, из другого кармана Бурево́й достал складные стопки, начислил себе и барону, а потом присел на расстеленный диван рядом с Катей. – Даже не знаю с чего начать.

– Начните с начала, – подсказал я.

– А и то правда, – кивнул Бурево́й и поднял стопку. – Ну...

– Ну, – согласился Агафо́ныч, мужчины выпили. – Ху-у-ух, – и рассказ таки начался:

– На «Ржевском» я служу вот уже тридцать четыре года. Застал, так сказать, его лучшие дни. Мы же не всегда здесь стояли. Мы же...

...ходили по Москва-реке. Прежний владелец теплохода, барон Коростовский, получил «Ржевского» от своего отца. Который, в свою очередь, приобрёл его на аукционе за бесценок, ноо-о-о-о...

Но на самом деле надо начать с ещё более ранних событий. Тут реально надо по порядку. Дело в том, что пускай в этой альтернативной реальности не было привычных мне смут и революций, но свои зарубы всё равно случались. И самая свежая из них – переворот, который чуть было не провернул род Юсуповых.

Князь тогда заручился поддержкой других семей, которые ныне уже вычеркнуты к чёртовой матери из истории, и на несколько дней реально перехватил власть. Действующий император от дома Романовых бежал из Москвы, чтобы перегруппироваться, собрать союзников, – в числе которых и предок князя Волконского, кстати, – а потом вернуться и забрать своё. История как бы не ахти какая захватывающая, без инновационных сюжетных поворотов.

Зато в эти самые дни смуты один героический гвардеец, – тот самый Ржевский, – времени зря не терял. Именем нового правителя он реквизирует государственный пароход, – что уже интересно, – быстренько оборудовал ту самую бронированную комнату, – что ещё интересней, – а затем каким-то совершенно непонятным образом погрузил на него золотой запас Империи и отчалил в сторону Твери.

И так рьяно рвался на свободу, что случайно прорвал блокаду Юсуповых.

Почему «случайно»? Ну потому что Ржевский при этом раздолбал «Вандала» так, что тогда-ещё-пароход начал тонуть и пришлось ему срочно причаливать к берегу. А там, на берегу, по какому-то удивительному стечению обстоятельств как раз шли войска Романовых. Хэппи, мать его за ногу, энд.

– ...уже тогда говорили, что «Вандал» восстановлению не подлежит, – вещал Еремей Львович. – А после того, как он тучу лет простоял у берега, его вообще решили с молотка пустить в качестве металлолома. Мол, лишь бы кто эту железяку уже поскорей распилил и убрал с глаз долой, чтоб не мешалась. Вот тогда-то Коростовский и подсуетился, – тут капитан вздохнул с доброй улыбкой на устах и добавил: – Хороший мужик был. Настоящий дворянин...

Барон оказался не просто патриотом. У него был фетиш на историю Империи и одновременно с тем на флот. К-к-к-комбо, как говорится. Так что вместо того, чтобы избавиться от «Вандала», он на свои собственные средства восстановил судно, модернизировал его, переименовал во «Ржевского» и устроил на борту музей. Тут важная деталь – ЧАСТНЫЙ музей.

– Получается, что я первым капитаном «Ржевского» оказался, – гордо заявил Буревоу, но тут же поник. – И последним... Эх... А ведь целых четырнадцать лет по городам ходили! И в каждом собирали толпу! Вот только невыгодно оно было всё равно. Барон вкладывал в нас куда больше, чем мы приносили.

– А что потом?

– Как «что»? – удивился Еремей. – Помер. А сынок его, – капитан махнул рукой и разлил по второй стопке. – Урод, ну вот честное слово...

За «урода» не чокались.

Буревоу выпил и продолжил свой рассказ. Технически, с этого момента я мог бы сэкономить время и достать всю информацию из его головы менталом. Да только Еремей Львович расслабился в нашем присутствии и теперь по ходу дела столь искусно матерился, что слушать его было одно удовольствие. Не грязно и через слово, а прямо вот точно. Образно. Метафорично. Хлёстко.

– Батя хоть куда мужик был! Как топор в мясо – *** и дело с концом! А этот, ***, тык-мык, тык-мык! Не человек, а мокрая вата в кулаке: сжал вроде, а только **** поймёшь есть он там или нету его. И не выкинешь ведь, и на **** не пошлёшь! Наследник же, **** мать! А

в кого, ***?! Старший-то Коростовский из палки стрелял и медведя валил, а этот ***, ****, ****, той же самой палкой в жопу себе тычет и причитает, мол, ***, ох как неудобно!

Ну просто феерия какая-то!

– Лучше б он его на стенку сбрызнул, чем такую гниду...

– Дедуль, – иногда Катя одёргивала деда, когда он совсем уж уходил от сути.

– Да ничего-ничего, – тут же вмешивался Агафоныч. – Продолжайте, нам интересно...

Во-о-от... А суть, минуя похабщину, вот в чем: яблочко упало с яблони уже насквозь гнилым. И мало того, что младший Коростовский по сравнению с батей оказался сволочью, он ведь до кучи ещё и тупой сволочью оказался. Подумал, погадал, и пошёл качать свои права в Министерство Культуры. Мол, какого хрена достояние Империи содержится за счёт одной семьи? Непорядок, мол.

И случилось с юным бароном горе от ума. Московское Министерство пообещало финансовую поддержку, оформило «Ржевского» как государственный музей и постановило ему отныне быть в Москве, ибо нехрен.

– Вот только поддержки той было с гулькин хер, – подытожил капитан. – Команду пришлось уволить. Один я остался, и то... кое-как выживаю на то, что платят. Но всё равно корабль не брошу! Вот можете меня дураком считать! Можете думать, что я слабак какой-то! Пригрелся тут, дескать, и ничего не делаю! А я ведь на самом деле...

Вздох!

Еремей Львович в одно лицо ковыряется где-то внизу, в машинном отсеке. И чистота вокруг, и порядочек, и даже полы надраены до блеска. Подмышкой у капитана журнал. Что-то типа чек-листа с датами: что когда проверял, что когда чинил, и что когда следует проверить снова...

Вздох!

Злой как чёрт, Еремей Львович ругается с младшим Коростовским, – к слову, реально мерзкий персонаж. Капитан объясняет, что ему для поддержания теплохода нужно то-то, то-то и то-то, слышит отказ, злится ещё сильнее, а потом идёт в магазин и за свои деньги покупает смазки, масла и прочий инструмент...

Вздох!

Сжимая в руке заветный багор, Еремей Львович без страха несётся на толпу подростков, которые решили устроить сейши на первой палубе...

Вздох!

Катя приносит деду пакет с ништяками, среди которых традиционная «раз-в-недельная» водчелла, мятные пряники и блок папирос без фильтра. Они пьют чай, хохочут, а потом Еремей Львович остаётся один. Стоит у штурвала, прихлёбывая прямо из горла, и с завистью смотрит на проплывающие мимо теплоходы...

Вздох!

И так изо дня в день.

Вздох!

И так из года в год.

Вздох!

Я вынырнул из головы Буревого с чётким осознанием того, что капитан на «Ржевском» не поменяется никогда. Во-первых, тому нет ни единой причины, а во-вторых... Уверен, что старик даже после смерти будет где-то здесь обретаться.

Так и вижу картину. Вылезает Еремей Львович весь в ракушках и тине прямо из стены и давай: «Часть корабля, ***, часть команды, ну да как же, ***! Команда у нас как кроты в ведре!

Все, ***, суетятся, все стараются, а только никуда мы при этом, ***, не движемся! А этот, ***?! Его, ***, грести поставили, а он как дурачок на солнышко жмурится и ручки тянет!»

Вот только на один вопрос в его сознании я так и не нашёл ответа. Видимо, воспоминание было столь незначительным, что поблекло или даже окончательно стёрлось. Однако мне было всё равно интересно:

– Слушайте, Еремей Львович, а что за той дверью? Ну... той, на которой куча замков?

– Так там музей, – капитан похлопал глазами. – Всё, что не пропало и всё, что не успели растащить я туда в кучу и снёс.

– То есть вся экспозиция занимает одну каюту?

– Ну да...

– Так это же отлично! – улыбнулся я и протянул Буревому руку. – Не волнуйся, Еремей Львович. Был Коростовский, да вышел весь. А мы-то тут порядок теперь наведём.

– Правда, что ли?

– Правда-правда. Сперва до Пирогово доплывём, у нас там свой пирс имеется. Встанем, восстановимся как надо и махнём в круиз Питер-Астрахань. Или ещё куда.

– Ты погоди, – Еремей попытался встать с дивана, но тут же плюхнулся обратно; у старика от таких новостей в прямом смысле слова закружилась голова. – Ты это серьёзно сейчас?

– Абсолютно.

– А когда?

– Так вот как можно скорее.

Буревой выслушал. Буревой переварил. А потом расплакался по-стариковски, – трогательно и слегка сопливо, – и уткнулся внучке в плечо. А Катя в свою очередь начала гладить деда по голове и одарила нас с Агафонычем взглядом.

Взгляд читался безо всякой менталки. Мол, обманете деда – убью.

– Так, – я хлопнул в ладоши. – Ну а на самом-то деле, чего ждать? «Ржевский» под патронажем минкульта, правильно я понимаю?

– Ага, – всхлипнул капитан.

– Ну так вот туда мы сейчас и направимся, – я мельком глянул на часы и удостоверился, что время ещё рабочее. – Чего тянуть? Владимир Агафонович, вы допили?

– Да-да, – Ярышкин махнул финальную стопку и тоже поднялся на ноги. – Едем!

Ехать до самого министерства было недолго. Гораздо дольше оказалось ждать Солнцева, потому что общаться с канцелярскими крысюками без него на наш взгляд было контрпродуктивно. А Яков Саныч уже можно сказать что «штатный», вот пусть и разгребает.

– Прошу вас, проходите, – сказала молоденькая, однако уже такая усталая секретарь.

Лицо цвета асфальта, безвольно болтающиеся плечи, мешки под глазами – при таких данных даже её по-латиноамерикански широкий таз не радовал глаз. Её хотелось скорее пожалеть и положить спать, чем просто хотелось. Сразу видно – весело у них тут, в минкульте.

Ну да не о ней речь! Она на нашем пути человек случайный. И куда больше нас интересовал «Советник министра по музейным проектам», в кабинет которого мы сейчас и входили.

Как только Яков Саныч услышал полное название должности, сразу же сказал ждать беды. Мол, формулировка расплывчатая, полномочия неясны, но при этом имеется большой потенциал для распиливания бюджета.

– Здравствуйте-здоровствуйте! – контраст с секретаршей был какой-то безумный.

Советник походил на натёртого маслом детского пупса. Одни эти его белые кудряшки чего стоят. Щёки горят румянцем, перманентная улыбка на устах и непонятно что блестит ярче – глаза или лоб. Навскидку лет сорок ему было. А может и больше, ведь судя по одежде советник решил молодиться изо всех сил. Ох уж эти заниженные рваные джинсы вкупе с волосатой мужицкой копилкой.

– Пыльников, – советник протянул руку. – Валерий Артемьевич.

– Очень приятно, Валерий Артемьевич, – поздоровался Солнцев. – Меня зовут...

– А я знаю! А я знаю! – перебил тот, чуть не лопааясь от оптимистичного энтузиазма. – Вы Солнцев, а вы Каннеллони. Ну неужели вы думаете, что я не наблюдал за вашим судом?! А вы-ы-ы, – протянул Валерон, глядя на Агафоныча.

– Нечаев, – ответил тот. – Вадим. Друг семьи.

– Отлично! – советник аж в ладоши захопал. – Не стойте, прошу вас! Присаживайтесь скорее! Так! И с чем же ко мне пожаловали столь важные птицы?

– Ну раз вы смотрели суд, значит в курсе того, что...

– А я знаю! А я знаю! Теплоход «Ржевский», да?! Поздравляю вас с обновочкой, Василий Викторович! И смею заверить, что ведомство уже переоформляет документы, чтобы средства на поддержания музея шли новому владельцу. У нас всё схвачено, господа!

– Да, – кивнул Солнцев. – Спасибо. Но речь о другом. Как новые собственники, мы хотели бы перегнать теплоход на другое место. Сперва. А потом вообще отвязать его от географии и использовать как полноценный теплоход.

– Вот как? А почему же вы так решили?

– Смотрите сюда...

И Яков Саныч продемонстрировал все те фотографии, что я заранее ему скинул. И свалку при подходе, и раздолбанный трап, и внутреннюю разруху теплохода. Валерий Артемьевич смотрел на весь этот звиздец всё с той же своей непоколебимой улыбкой, кивал, а в конце концов сказал:

– Ой-ой.

И замолчал.

– Что «ой-ой»? – Солнцев от такого аж потерялся.

– Ой-ой, какой бардак вы умудрились натворить за первый же день владения судном. Это непорядок, господа. Это надо исправлять.

– Секундочку, – Яков Саныч улыбнулся. – «Ржевский» достался моему клиенту уже в таком вот плачевном состоянии.

– Боюсь, что это неправда, – советник сцепил пальцы в замок и положил перед собой на стол. – Его Благородие барон Коростовский отчитывался в министерство каждый месяц и всякий раз предоставлял свежие фотографии. Так вот такого ужаса на них не было.

– Чего?

– Того, господа, – улыбка потихонечку сползла с лица советника.

Из милого детского пупса он на глазах превращался в пупса из фильмов ужасов. Того самого, чумазого и с ножом, что валяется в подвале заброшенного дома.

– Боюсь, мне придётся принять меры, – сказал Валерий Артемьевич. – Либо вы приводите памятник исторического наследия в надлежащий вид, либо же мне придётся настоять на том, чтобы его реквизировали в пользу государства.

– Че-е-егоо-о-о-о?!

– Даю вам неделю, – сказал Пыльников. – Не больше.

Агафоныч хохотнул. А я вздохнул, сунул руку в карман и передал ему тысячную купюру. Проспорил, что теперь делать?

– Вы же понимаете, что это бред? – тем временем Солнцев начал заводиться.

– Господа, не отнимайте моё время. Его у вас и так осталось совсем немного.

– Вы... Ты понимаешь, что тут доказать всё проще простого?!

– Господа-а-а-а, – протянул Пыльников. – Время.

– Ты думаешь, я тебя не переиграю?!

– Господа, хватит! – Валерий Артемьевич ударил кулаком по столу. – Я требую, чтобы вы немедленно покинули мой кабинет! Нам больше не о чем разговаривать! Если хотите обжа-

ловать моё решение, можете написать сразу же министру! Пыльникову Артемию Александровичу!

– Ах ты ж... Ну ладно, – Солнцев резко встал со стула. – Уходим.

– Ой, вы уже всё, – без каких-либо эмоций на усталом лице проводила нас взглядом секретарша.

– Он думает, что я его не переиграю, – бубнил себе под Яков Саныч. – Он думает, что я его не уничтожу...

Так... не успел я разжиться теплоходом, как его уже пытаются у меня отнять. Это первое. Второе – мы буквально вот только что закусились с сыночком министра. Третье – теперь мне придётся либо срочно искать деньги на восстановление ржавого корыта, либо бодаться с этими людьми дальше. Четвёртое... что? Четвёртого как будто бы не хватает для полного счастья. Чутка не добрал до каре.

Бзз-взз!

Или добрал?

– Аллю? – я взял трубку.

– Вась, привет, ты сильно занят? – на том конце провода оказался Мишаня.

– Ну как тебе сказать? – вздохнул я. – Говорить могу. Что у вас там случилось?

– Ух, – замялся Кудыбечь. – Даже не знаю, как бы это помягче. Короче... у Гио хвост вырос.

А я пока что ничего не ответил. Но прямо вот почувствовал себя папой из «Простоквашино», который читает весточку от дяди Фёдора.

– Хвост? – переспросил я.

– И зубы ещё. И нос такой забавный, мокренький. В общем... сейчас, погоди, – судя по топоту шагов, Миша отошёл куда-то подальше и перешёл на шёпот. – У этого придурка, оказывается, вчера день рождения был. А он, скромняжка, побоялся у тебя «праздник украсть», ага.

– Так...

Пока что я слабо улавливал связь.

– Помнишь, как они с Сидельцевой вчера срулили пораньше?

– Помню.

– Ну так вот. Киса решила сделать котикку подарочек и отвезла его на инициацию за свой счёт. К подпольщикам каким-то.

– Чего?!

– И котик теперь хворает на этой почве.

– Р-РР-ААА-ААА!!! – донёсся до меня откуда-то сзади грузинско-волчий рёв.

– Вась, ты можешь подъехать, а? – с жалостливыми интонациями в голосе спросил Миша. – Этот придурок нам всех гостей распугает. Ержан уже в нокауте лежит. Мансур пока держится, но...

– Понял, – сказал я. – Уже в пути...

Глава 6

- Агафоныч, не томи уже! – попросил я, запрыгивая в машину такси. – Рассказывай!
- Про инициации?
- Да!
- Про подпольные?
- Да-да-да!

Таксист от таких разговоров явно напрягся, но постарался вида не подавать. Чёрт! Пора бы уже своим транспортом обзавестись! Либо контактом глухого таксиста, потому что раз за разом в пути мы с Владимиром Агафоновичем обсасываем какие-то крайне мутные темы.

Итак... Яков Саныч залез на пассажирское, а мы с Ярышкиным, получается, сели назад. Машина тронулась по относительно свободным столичным улицам. До вечернего часа пик сей-час было ещё далеко, так что я очень надеялся долететь до пляжа хотя бы за час.

«Ну смотри», – разговор с Агафонычем продолжился по мыслесвязи: «Ты про обычную инициацию в курсе?»

«В курсе», – ответил я. И ни разу не соврал. Пока мы с Солнцевым чалились в гостинице в ожидании суда, я этот вопрос изучил. И если очень коротко, то работает это так: помимо солнечной радиации, электромагнитного поля планеты и прочих «настоящих» физических явлений, в этом мире существует ещё и магический фон. Токи маны, благодаря которым и становится возможно использование магии.

Так вот. Иногда этот фон сбоит. Как? Почему? Зачем? Это всё не ко мне вопросы. Мне главное факт: магические бури не проходят бесследно.

Экстремально-сильные случаются крайне редко, и не каждое поколение при своей жизни имеет удовольствие за этим явлением понаблюдать. А бури эти, ясен хрен, опасны. Они рвут ткань мироздания и оставляют после себя аномалии... иногда. А иногда на их месте находят кристаллизованную ману. Да, звучит как бред, согласен. Но по какой-то причине у маны есть два агрегатных состояния, и под «сильным магическим давлением она густеет и обретает массу». Вроде бы как-то так...

Я читал! Правда! Но по всей этой магической теории столько всего написано, да притом таким мудрёным языком, что вертел я углубляться дальше необходимого минимума! Меня же инициация интересует, а не законы Мироздания.

Так вот.

Мана прессуется в самородок. Здоровенный притом. Там не в каратах измерение идёт, а в десятках килограмм. Этот самородок извлекают из земли, правильным образом гранят, – тут тоже есть свои правила, – и потом пускают на инициации.

У мага, который дошёл до своего предела, рядом с этой дурой рушится барьер. Внимание, вопрос: с какого хрена в таком случае инициация стоит каких-то бесстыдных денег? А тут всё просто на самом деле. Кристалл маны имеет свойство разряжаться и превращаться в бесполезную каменюку, и никто не знает когда он придёт в негодность – через пятьдесят лет или завтра. Так что за развитие нужно платить. Конкуренция огромна, и благотворительностью никто заниматься не станет.

Сам кристалл – стратегический ресурс в монополии у государств. Причём есть он далеко не у всех, и иногда получается так, что... м-м-м... помнится, я в прошлой жизни к белорусам зубы делать катался, чтобы подешевле было. Турки с их пересадкой волос опять-таки. Вот и тут примерно то же самое.

Ну и плюс все внешнеполитические вытекающие. Кто-то жадно пополняет казну за счёт инициации иностранцев, кто-то зажимает своё в кулачок и растит сильную нацию, кто-то с

кем-то дружит и помогает, кто-то с кем-то воюет и ослабляет, кто-то при помощи кристалла прожимает свои интересы. Вторая нефть по сути. Или третье золото.

Ну а теперь к вопросу о подпольщиках.

«Смотри, значит, чего они делают, – сказал Ярышкин. – Большинство из этих ушлых ребят ведут раскопки на том месте, где когда-то нашли большой самородок и выискивают самородки поменьше».

«А такие существуют?»

«Так ясен хрен, что существуют! Ты меня иногда поражаешь, Василий Викторович. Артефакторы их только так пользуют. Маленькие такие синенькие камушки, иногда с булыжник величиной, а иногда с булавочную головку... неужели не видел?»

«Ах, простите, Ваше благородие. Как-то вот, знаете ли...»

«Ладно, не урчи, – перебил Агафоныч. – Так вот! Планетка-то у нас уже не новая, и мало ли где что можно найти, если хорошо поискать. Тот, кто хочет по закону чистым оставаться, сдаёт ману в артефакторные лавки. А другие несут в подполье или сами собирают коллекцию. В ход идёт вообще всё: пыль от огранки, обломки, крошки, разряженные кристаллы и старые артефакты. Собирают они всё это в кучу, суют в мешок... ну... утрировано...»

«Я понял, ага.»

«Вот. Добирают до критической массы и проводят инициации. Но если с большим кристаллом всё чётко и наверняка, то тут побочка может быть. Всё на страх и риск подопытного, так сказать. М-м-м... то есть вместо того, чтобы спокойно перейти реку по мосту, ты её по кочкам перепрыгиваешь. Повезёт, не повезёт.»

«Понял. А теперь, если можно, поконкретней о побочных.»

«Так, а кто ж их знает?! Тут всё индивидуально. Мне вот один из уровней развития выжгли, так что дальше двинуться не могу. А что там с твоим грузином приключилось только гадать остаётся.»

«Ясно.»

Дальше ехали молча. Я переживал за Гио и прокручивал в голове самые мрачные сценарии, Агафоныч глазел в окно и думал о своём, а Солнцев ковырялся в телефоне и строил планы насчёт минкульта. До кольцевой немножко постояли, ну а дальше понеслись с максимально разрешённой, и в итоге на пляж приехали спустя полтора часа.

Едва выскочив из машины, я сразу же набрал Мишане и уточнил, где именно находится наш пациент. Кудыбечь послал меня в администрацию – туда мы и помчались. Время к пяти, так что народа на пляже была целая куча: все столики на пирсе заняты, все беседки и шезлонги тоже. Кто-то плещется в воде, кто-то загорает, ветер гоняет туда-сюда шашлычный дымок, а вокруг бара целая толпа наблюдает за очередным шоу Студента. Волейбольная площадка тоже не пустует – занята компанией молодых ребят.

Всё тихо; всё мирно, спокойно и достойно. Гости отдыхают, кухня работает, несколько ребят Волконского скучают на посту, и никто даже не подозревает о той драме, что разворачивается прямо сейчас в недрах домика администрации.

А на его пороге меж тем стояли двое.

Ержан и Станислава Витальевна. Первый сидел на корточках привалившись спиной к стене, отдувался и периодически трогал фингал под глазом, а вторая курила тоненькую ментоловую сигарету, – первый раз за ней такое замечаю. Причём курила Стася вприкуску с ногтями; кажется кому-то после сегодняшнего потребуются переделывать маникюр.

Тут же обрелись и Тырква с Греттой. Собаки сидели чуть поодаль и не сводили с домика администрации глаз. Настороженно бдели, но пока что не более. Не сходили с ума, как тогда, на стрельбище.

– Всё плохо? – спросил я у Стаси.

– Сам посмотри, – ответила та и открыла передо мной дверь, а там...

– Ууу-ууу-ууу! – выл связанный Гио, трепыхаясь на полу посередь комнаты.

– Василий Викторович, братан, – тяжело дышал Мансур, нависая над ним сверху. – Ну это премия, ты ж понимаешь, да?

– Сочтёмся.

И это даже не обсуждается. Не знаю как, но братья Байболотовы сегодня совершили настоящий подвиг. Связать господина Пацацию против его воли – всё равно что дикого мустанга объездить. Он ведь и так, зараза, огромный, а тут ещё и магию выкрутил на полную.

И к слову, о магии...

Выглядел Гио странно. Не как обычный Гио, но и не как оборотень, – во всяком случае, не в привычном понимании этого слова. Существуют в народном фольклоре кошкодевочки, а вот он сейчас превратился в волкомальчика. Как будто бы застрял в промежуточной фазе. Мохнатые длинные уши, чёрный собачий шнопок на месте могучего грузинского носа и добротный волчий хвост, что торчит из рваных штанов. В остальном же обычный человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.